ЛИКИ РУССКИХ СВЯТЫХ

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

жизнь • любовь • бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло 95 лет с тех пор, как в Екатеринбурге были подло убиты свергнутый Император Николай Александрович, его семья и четверо их приближенных. Новая книга Сергея Плеханова убедительно раскрывает положительную роль Николая II в российской и мировой истории, показывает величие жизненного подвига Православного Государя.

Николай II представлен как цельная и разносторонняя личность. Выдвинутая им плеяда государственных деятелей, таких как Победоносцев и Столыпин, военачальников, таких как генерал Брусилов и адмирал Макаров, несмотря на неоднозначность отношения к ним со стороны современников и потомков, свидетельствует о Николае II как правителе, стоявшем выше субъективных пристрастий. Автор развенчивает стереотипы предвзятой пропаганды и ухищрения псевдо-историков, стремящихся принизить масштаб и значение деятельности монарха-патриота, возглавлявшего страну в период внутренней смуты и небывалых внешних угроз. Трагедия царской семьи стала прологом невиданного в истории порабощения свободного народа. Но пролитая кровь царственных мучеников взывает к пробуждению и возрождению России.

Книга адресована читателю, не желающему довольствоваться затверженными объяснениями исторических явлений, но стремящемуся понять тайные пружины событий, изменявших мир в прошлом и меняющих его на наших глазах.

- Сергей Плеханов
  -
  - Голгофа
  - В человеке все должно быть прекрасно…
  - Солдат империи
  - Сильный Державный
  - Шторм
  - Рыцари России
  - Любовь, надежда, вера
  - Православие, самодержавие, народность
  - Сказка на земле
  - Пути роковые
  - «Гавань была уже на виду…»
  - Крестный путь
  - «Вам выпало счастье расстрелять…»
  - Место свято

    - Благоверный царь Николай Александрович и его семья (Житие)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

Сергей Плеханов
Император Николай II. Жизнь, Любовь, Бессмертие

© С. Н. Плеханов, 2014
© Книжный мир, 2014

Голгофа

Дом Ипатьева, в котором провели последние дни жизни и были убиты Николай II и его семья

У входа в особняк висела табличка «Свердловский филиал Челябинского заочного института культуры». Все кругом было исполнено запустения, типичного для советской провинции: напротив облезлая церковь, наискосок через дорогу – ветхий дворец в стиле ампир, пропыленная листва неухоженного сквера. Даже доносившиеся от подножия холма звонки трамваев звучали надтреснуто, старчески. Настоящая жизнь давно ушла отсюда, все вокруг дышало только прошлым.

За несколько минут перед тем, как остановиться у входа в особняк, я изучал в полутемном приделе церкви, давно обращенной в краеведческий музей, выставленный в раме газетный лист. На желтой от времени бумаге было оттиснуто извещение Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов о расстреле гражданина Николая Романова. Избранники трудящегося и эксплуатируемого народа сообщали, что семья бывшего самодержца находится в надежном месте в целости и сохранности.

Стояло лето 1977 года. Уже более полувека мир знал о поголовном истреблении царственных узников и их ближайшего

окружения. Но кто-то не побоялся выставить на всеобщее обозрение лживое извещение, состряпанное палачами. Только так можно было в тот год выразить свое отношение к злодеянию…

Выйдя из музея, я пересек площадь. И оказался перед тем самым зданием, в котором душной ночью 17 июля 1918 года дюжина молодых крепких мужчин, толкаясь, ругаясь на нескольких языках, пыхтя от усердия, кололи штыками извивающиеся в агонии женские тела. Табличка Челябинского института культуры самой своей будничностью заявляла о том, что ничего исторически важного здесь не происходило, что тот давний эпизод настолько незначителен с высоты безоблачного сегодня, что нет никакой необходимости напоминать о нем.

Внутри обветшавшего особняка было пусто, гулко, безлюдно. Даже вахтера не оказалось у дверей. Заглянув в несколько помещений, я обнаружил полное отсутствие мебели. Лишь в одной из комнат стоял обшарпанный стул. Опустившись на него, я долго созерцал великолепный камин, облицованный замысловатыми зелеными изразцами. Потом встал, подошел к окну. За ним пропыленные деревья вопияли о тусклой обыденности. «Как это было?». Я ждал, что вот-вот придет озноб причастности к тому, что произошло здесь. «К этому камину прикасалась рука Помазанника Божия»? Сухо, бранчливо прозвенел трамвай. Среди серых тополей, то и дело замирая, крался тощий кот. «Где это было? У меня под ногами, в подвале, заколоченном досками»? Я прошел в соседнее помещение – здесь в беспорядке стояли столы, стулья, на линолеуме школьной доски проступали небрежно стертые буквы. В окне белел перст, вознесенный над крышами города – обком КПСС. В небо рвались многометровые буквы «СЛАВА ТРУДУ!», «РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ – В ЖИЗНЬ!», «ПЛАНЫ ПАРТИИ – ПЛАНЫ НАРОДА». Все забыто, никому нет дела до Ипатьевского дома…

Борис Ельцин был ответствен за снос Ипатьевского дома в 1977 году

Я провел в особняке минут сорок. За это время никто больше не нарушил его могильный покой. Летом 77-го года монархисты были редкостью не только в Свердловске.

«Ипатьевский дом. Расстрел» (Худ. павел Рыженко)

Но кто-то, по всей видимости, фиксировал подобные визиты – и прилежно волновал соответствующими донесениями местные власти. Будущим деятелям социалистической культуры, впитывавшим ее живительные соки на месте кровавой бойни, уже было подыскано иное помещение. А на одном из этажей белого

партийного небоскреба вожак уральских коммунистов товарищ Ельцин вкупе с ректором Архитектурного института товарищем Алферовым склонялись над листами проекта, определившего участь дома Ипатьева – на его месте мечтателям виделись гранитные ступени, с которых выходящие из бывшей Вознесенской церкви могли бы любоваться панорамой родного города, увенчанной партийным штабом.

В человеке все должно быть прекрасно…

Его 50-летний юбилей, пришедшийся на 6 (19 по новому стилю) мая 1918 года, никак не был отмечен Россией. В доме Ипатьева бывшего императора поздравили только заточенные вместе с ним родные и несколько оставшихся при них приближенных. В сравнении с прежними пышными торжествами по таким датам, в тот день ощущение праздника могли дать только воспоминания…

Воображение уносило его в холодное декабрьское утро 1876 года, когда в сопровождении нескольких верховых его везли в санях к манежу Инженерного замка. По случаю 50-летия со дня назначения царствующего императора Александра II шефом лейб-гвардии Павловского полка производился развод.

Восьмилетнего Великого князя Николая Александровича, облаченного в павловский мундир, поставили на левом фланге головного караула. Когда раздалась команда «К церемониальному маршу!», двое офицеров подхватили мальчика под руки и понесли его, в такт с солдатами печатая шаг. Не касаясь ногами земли, Великий князь приложил руку к каске, когда строй проходил мимо государя. По окончании развода император обратился к офицерам полка с короткой приветственной речью. Указав на своего внука, он сказал: «Желаю ему дожить до празднования пятидесятилетнего юбилея отца его, а также отпраздновать и самому пятидесятилетний юбилей! Дайте мне его поцеловать».

Юный Николай Александрович

Но первое из пожеланий деда не исполнилось – император Александр III, отец Николая, скончался, не отметив и 49-летие. Да и второе пожелание вряд ли назовешь провидческим – не подходило определение «юбилей» для тихого скорбного торжества в заточении.

И все же – полвека… Целая бездна времени отделяет мир от мая 1868 года, когда Николай появился на свет. Улицы Петербурга освещались газовыми рожками, по выложенным деревянными торцами мостовым громыхали кареты. Ни о пулеметах, ни об аэропланах, ни о телефоне, а тем паче радио никто и не слыхивал. Нравы были строгие, патриархальные: на улицах курить воспрещалось, не то что демонстрации или, того хуже, баррикады устраивать…

Николай Александрович в детстве

Покушение студента Каракозова на Александра II в апреле 1866 года потрясло Россию. Впервые после этого император стал ездить по улицам в сопровождении охраны. Людям долго еще

казалась святотатственной сама мысль поднять руку на Помазанника Божия. Хотя уже начинялись по петербургским подвалам и мансардам самодельные бомбы, хотя дышали сатанинской злобой первые прокламации, кое-как сработанные на гектографах.

1 марта 1881 года, дата смерти Александра II от бомбы поляка Гриневицкого, стала для Николая первым днем взрослой жизни, хотя совершеннолетие его было отпраздновано только в мае 1884-го. Смерть деда от руки социалистического убийцы перевернула душу мальчика: прежнее безмятежное существование навсегда отделила кровавая межа. Даже царей убивают! За ними охотятся сонмы безжалостных самозваных палачей. Царь один – он виден всем как на ладони. А те, кто его преследует, прячутся в миллионных толпах, таятся в бесчисленных подворотнях, на чердаках. Из всякого переулка, из любого окна может грянуть выстрел…

Тот день сделал Николая официальным наследником престола российских государей, ибо его отец стал под именем Александра III преемником погибшего монарха.

Цесаревич Николай Александрович

Собственно говоря, согласно «Закону о престолонаследии» уже со дня своего рождения внук Александра II считался прямым продолжателем династии. Поэтому на его воспитание и образование обращалось особое внимание. С самых ранних лет он помнил рядом с собой выдающихся людей России: Константина Петровича Победоносцева, блестящего законоведа и оратора, генерала Михаила Ивановича Драгомирова, крупнейшего стратега империи, Николая Христиановича Бунге, видного экономиста и государственного деятеля, Егора Егоровича Замысловского, знатока истории и права. Эти и многие другие профессора преподавали юному Великому князю весь комплекс гимназических предметов, а позднее и университетских наук. При этом упор в занятиях делался на практические знания – вместо довольно отвлеченных древних языков было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; курсы политической истории, русской литературы и иностранных языков были существенно расширены.

Александр III с императрицей Марией Фёдоровной и детьми: Михаилом, Николаем, Ольгой, Ксенией и Георгием (1888 г.)

К моменту окончания учебы наследник российского престола обладал обширными познаниями и в военном деле. Причем ему были даны не только теоретические знания – Великий князь прошел полный курс строевой и физической подготовки, положенной каждому рядовому и офицеру.

По сути дела, это был последний политический деятель в

истории России, который с ранних лет готовился на роль верховного руководителя страны. Ему не забивали голову сведениями об устройстве тракторов или посеве квадратно-гнездовым методом, не втемяшивали «священные» тексты Маркса, Энгельса и Ленина, как всем последующим владыкам.

К 21 году будущий царь получил блестящее образование, свободно владел основными европейскими языками, обладал обширными познаниями в различных областях государственного управления и экономической жизни.

Николай II (1894 г.)

Его феноменальная память, развившаяся в годы учения, удивляла многих знавших его людей. Один из биографов императора, Н. Тальберт, писал: «Обладая основательными знаниями, Государь всю жизнь пополнял их, поражая своею осведомленностью тех, кто имел с ним дело. Вспоминаю то впечатление, которое он произвел на министра путей сообщения Клавдия Семеновича Немешаева. Последний управлял долгое время обширной и образцовой Юго-Западной железной дорогой, был большим знатоком своего дела. Он рассказывал мне, как

поражен был знаниями государя в этой области. Приходилось слышать то же от других лиц». А лейб-медик Е. С. Боткин, погибший впоследствии вместе с царской семьей в Ипатьевском доме считал: «Государь император Николай Александрович был самым интеллигентным и образованным человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни».

Если добавить к этому, что манеры Николая Александровича были безукоризненны – трудно сказать, воспитание ли тому причиной, или это врожденное (порода!), – можно представить себе, какое впечатление производил он на окружающих. Французский президент Феликс Фор заметил как-то, что Николай Второй – самый воспитанный человек, какого он когда-либо встречал. В устах деятеля, тесно общавшегося со всеми королями, президентами и премьерами тогдашнего мира такое признание кое-чего стоит…

Николай II в теннисной форме

Внешний облик будущего императора вполне сформировался ко времени окончания курса наук. Это был крепкого, хотя и изящного сложения молодой человек с прекрасной военной

выправкой. Обладая незаурядной силой, выносливостью, закаленностью, он достиг значительных успехов во многих видах спорта: верховой езде, стрельбе, гребле. Николай Александрович был отличным конькобежцем, велосипедистом, теннисистом, прекрасно управлял парусником. А ведь в те годы спорт только входил в моду даже в Европе. В России же спортсмены были наперечет.

Акробатические упражнения Николая II и принца греческого Николая (1899 г.)

Впрочем, сказанное не значит, что Великий князь отдал своего рода дань увлечению великосветских юношей. Тяга к спорту, к физическому труду оставалась у него на всю жизнь. При этом иные из привычных для него нагрузок – такие, как пешие походы по 10–15 верст в полной солдатской амуниции или многочасовая пилка и колка дров, уборка снега – нетипичны для светского спортсмена тех лет. Они говорят скорее об отвращении к праздности, к безделью.

6 ноября 1909 года император в форме рядового солдата стрелкового полка с полной выкладкой совершил марш-бросок на 25 километров, таким образом, лично проверив качество обмундирования российских солдат

Такое отношение к жизни прививалось царским детям с ранних лет – император Александр III воспитывал своих чад в поистине спартанской строгости. Спали они на деревянных кроватях с тонкими жесткими матрасами. Скромный завтрак – каша, вареное яйцо, черный хлеб – подавался не раньше, чем дети примут холодный душ. Многие ли сегодня содержат своих отпрысков в такой телесной скудости?

Если добавить ко всему вышесказанному, что наследник российского престола отличался притягательной внешностью, то облик идеального Человека предстанет перед нами во всей завершенности. С многочисленных фотографий на нас смотрят удивительно добрые глаза. Эти огромные голубые глаза, эти светло-русые волосы, обрамляющие высокий чистый лоб, эта пшеничная бородка, опушившая красиво очерченный рот, кажутся

нам сегодня как бы само собой разумеющимися атрибутами царской внешности – настолько совершенным представляется лик последнего русского государя. Провидение словно бы вознамерилось дать всем последующим поколениям представление о гармонии и высоте того строя жизни, который породил столь удивительную в своем совершенстве личность.

Николай II (1894 г.)

Стоит поместить рядом с портретом последнего русского царя изображения тех, кто властвовал над порабощенной Россией после его низвержения – и не надо нам выкладок экономистов, не нужно обличительных документов. Один этот парад злодеев может служить иллюстрацией того, что случилось с великой страной.

Облик правителя – это не второстепенное обстоятельство в ряду характеристик эпохи. Как по внешнему виду ребенка можно безошибочно судить об условиях, в которых он живет, о культурном уровне семьи и многом другом, столь же неопровержимо свидетельствует о благополучии или неблагополучии народа личность его предводителя.

Николай II и цесаревич Алексей убирают снег

Солдат империи

В те дни, когда узкогрудый студент Александр Ульянов, двадцати одного года от роду, распираемый ненавистью ко всему, что было дорого русскому народу, любовался в полуподвальном помещения на очередную самодельную бомбу, предназначенную для царствующего императора, девятнадцатилетний Николай Александрович Романов готовился приступить к воинской службе в должности младшего офицера Государевой роты гвардии Преображенского полка.

1 марта незадачливый террорист был арестован вместе с группой своих единомышленников. Мечта об убийстве ни в чем не повинного человека осталась неосуществленной. Даже идя к виселице спустя несколько недель, Ульянов нисколько не раскаивался – он бесился, как скорпион, которому в последний момент не дали вонзить в живую плоть ядовитое жало. В злобных судорогах он и предстал пред судом Вечности.

А царственный юноша напутствовал тех, кто жаждал крови его отца, всепрощающей молитвой. По-разному понимали эти почти сверстники благо родной страны. И поэтому закономерно, что короткая жизнь одного увенчалась позорной казнью, в то время как другой начинал свое долгое и трудное служение России…

23 июня 1887 года стало начальным днем военной карьеры будущего главнокомандующего русской армии. По истечении года наследник-цесаревич назначается командиром Государевой роты Преображенского полка.

Цесаревич Николай Александрович Романов, в форме Лейб-гвардии Гусарского полка Его Величества (1 марта 1887 года)

За два с половиной года он основательно изучил службу в пехоте и с началом 1890 был переведен в лейб-гвардейский Гусарский полк – вновь поначалу младшим офицером, а затем командиром эскадрона.

Служба в кавалерии была прервана в связи с участием в кругосветном путешествии (с октября 1890 по июль 1891 г.г.), а затем великий князь продолжал свою военную подготовку в артиллерийских частях: командир взвода в Лейб-гвардии 1-й конной Его Величества батарее, затем командир Лейб-гвардии 6-й пешей Его Величества батареи.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович верхом в форме Л-гв. Гусарского полка Его Величества (Рига, нач. XX в.)

1 января 1893 года Николай Александрович возвращается в Лейб-гвардия Преображенский полк. Накануне своего перевода он произведен в полковники и теперь получает под свое командование 1-й батальон. На этом посту его застает смерть отца, императора Александра III (20 октября 1894 года).

По законам Российской империя, вступая на престол, монарх сохранял то воинское звание, которого достиг на действительной службе, и дальнейшее производство в чин не допускалось. Даже приняв в 1915 году командование всей русской армией, сражавшейся против германо-австро-турецкой коалиции на многотысячекилометровом фронте, император оставался верен старому полковничьему мундиру. На груди его в эти годы прибавился лишь один серебряный крестик – «Георгия» он получил за пребывание на передовой.

Для нас, имеющих богатый опыт быть ведомыми «выдающимися полководцами», которые почти не выбирались из Кремля, либо навешивали на себя пуды наград за

несуществующие победы, не нужно тратить много слов в похвалу русскому царю, который почти два года честно тянул армейскую лямку и более двух лет осуществлял руководство крупнейшими сражениями в истории войн…

По свидетельству всех знавших Николая Александровича, в бытность его командиром различных подразделений лейб-гвардии, он никогда не дозволял себе формального отношения к своим обязанностям, чего вполне можно было бы ожидать от наследника престола. Он не просто числился, но служил с полной отдачей, ничем не отличаясь от прочих офицеров. Его манила атмосфера полкового братства, он не пропускал возможности участвовать во всех затеях сослуживцев. Простая, бесхитростная натура русского солдата всегда привлекала цесаревича, общение с выходцами из народа, нашедшими временный домашний очаг в преображенской казарме, стало его сердечной потребностью. Возможно, это многолетнее общение со вчерашними крестьянами и рабочими дало Николаю Александровичу прекрасное знание русского народа, его психологии и привычек. Сотни пословиц, сочных простонародных выражений, которыми пестрели деловые бумаги царя, были, вне всякого сомнения, усвоены за годы службы, во время многочисленных путешествий по самым захолустным уголкам родной страны.

Катастрофа случилась с поездом императора Александра III 17 (29) октября 1888 года на Курско-Харьково-Азовской (ныне

Южной) железной дороге, в результате которой ни император, ни его семья не пострадали

Неотъемлемыми качествами императора с юных лет были мужество и невозмутимость. Даже во время трагических происшествий, угрожавших его жизни, он ни на миг не терял самообладания. Во время крушения царского поезда 17 октября 1888 года под Борками наследник-цесаревич, только что переживший ужасную катастрофу, принялся переносить раненых, помогал делать перевязки, наравне с солдатами и рабочими разбирал обломки вагонов, подносил воду и лекарства.

Когда во время водосвятия 6 января 1905 года из орудия Петропавловской крепости был выпущен боевой снаряд, разорвавшийся рядом с торжественной процессией, Николай Александрович даже бровью не повел, хотя шрапнель полосовала лед у самых его ног.

Но пожалуй самым опасным испытанием оказалось покушение на его жизнь, совершенное японским полицейским Санзо Цуда. Это произошло во время визита в японский город Отсу в ходе кругосветного путешествия. Нанеся наследнику русского престола удар саблей в голову, самурай попытался повторить нападение, но был сбит с ног ударом трости греческого королевича Георгия, сопровождавшего Николая Александровича. Хотя из раны обильно лилась кровь, цесаревич сохранил полное спокойствие.

Николай Романов в Японии (Нагасаки)

Этот эпизод, всколыхнувший всю Россию, был своего рода предостережением будущему императору. Несмотря на бесчисленные выражения сочувствия жертве покушения со стороны японцев, в стране самураев уже в те годы можно было приметить шовинистические настроения. Они создали благодатную почву для разнузданной русофобской пропаганды, которая через несколько лет стала обычным фоном японской печати. Нападение на цесаревича оказалось предвестием того подлого нападения Японии не русские гарнизоны в Манчжурии, которое положило начало войне, потрясшей основы русского государства. Солдат России Николай Александрович Романов первым принял на себя удар желтого фанатика, ему первому из руководителей белой расы пришлось столкнуться с неистовым натиском азиатского хищника…

Сильный Державный

Скоротечная предсмертная болезнь Александра III совпала с приездом в Россию невесты наследника русского престола принцессы Алисы Гессенской. Вся царская семья находилась в Ливадии, где угасал император. Когда избранница его сына прибыла в Крым, тяжело больной монарх нашел в себе силы, чтобы принять ее и благословить предстоящий брак.

На следующий день после кончины царя, 21 октября 1894 года на престол вступил Николай Александрович. Теперь слова государственного гимна «Сильный державный Царствуй на славу нам Царь православный» относились к нему. И в своем первом манифесте, обращенном к стране и миру, новый монарх поклялся следовать курсом отца. А это значило, что на первое место будут поставлены национальные чаяния русского народа. Ведь скончавшийся император первым в послепетровскую эпоху провозгласил моральной основой своей политики религиозно-нравственные понятия простого человека, земли в старинном значении этого слова. (От него происходит наименование древнерусского парламента: Земской собор). Впервые при Александре III перешли от подражания иностранным модам к национальному стилю: армейская форма стала напоминать одежду стрельцов XVII века, когда-то изгонявшиеся из дворянского обихода бороды получили права гражданства – сам царь стал походить на крепкого домовитого крестьянина, гордящегося своим «образом Божиим» (Христос, как известно, носил бороду)…

И первые десять лет нового царствования, в общем, показали правильность выбранного пути. Страна стремительно развивалась: строились заводы, шахты, железные дороги, возводились новые города, осваивались земли на Востоке, открывались школы и высшие учебные заведения. Расширялись пределы империи – в 1895 году трехцветное знамя взвилось над Памиром.

Адмиралтейские Ижорские заводы

Быстро росло население России. При вступлении Николая II на престол число его подданных составило чуть больше 120 миллионов. Январская перепись 1897 года, проведенная согласно повелению императора, дала цифру более 128 миллионов. Естественная прибыль, по подсчету Д. И. Менделеева, составляла 1,81 % в год. Гениальный ученый подчеркнул в своей работе «К познанию России», что таких темпов прироста не знала ни одна страна мира. Ясно, что только в условиях материального благополучия и нравственного здоровья народа могла появиться такая тенденция. Человек с уверенностью смотрел в завтра и был спокоен за свое потомство. Чего не можем сказать о своем поколении мы по прошествии сотни лет.

Американские горки на Марсовом поле (Санкт-Петербург. 1895 г.)

Замечу кстати, что настроения исторического оптимизма владели не только массой простых людей, вряд ли знакомых с приведенной статистикой или с газетными выступлениями на эту тему. Народом руководил скорее культурный инстинкт, регулирующий подъемы и спады национальной жизни. Но вот великий химик, автор Периодического закона, опирался в своем оптимизме на объективные научные данные. И они позволили ему предсказать численность населения страны на полвека вперед (при этом Менделеев осторожности ради даже занизил процент естественного прироста). По мнению Менделеева, к 1950 году в России должно было проживать 282 миллиона человек. На деле же к этому году оказалось «в наличии» лишь 200 миллионов. По всей видимости, даже в кошмарном сне академику не могло привидеться, что власть над страной окажется в руках родича того кровожадного Ульянова, что окончил свои дни в петле. В 1905 году, когда Менделеев работал над своей книгой «К познанию России», подавляющая масса народа смотрела на «освободителей» как на бесноватых. Однако вирус революционного помешательства распространяется иной раз с такой скоростью, что ни современники, ни тем более потомки не

в состояния понять, как мог уравновешенный, работящий и счастливый народ попасться на удочку демагогов, как мог растоптать свои святыни и оказаться на положении бесправного раба в собственное доме. Писатель Иван Наживин, сам отдавший дань этому революционному сумасшествию, с горечью рассказал о встрече с греческим коммерсантом на юге России, происшедшей вскоре после бегства литератора из большевистского ада (1919 год):

Торговля мясными тушами (Курган, 1903 г.)

«– Ваша революция! – сказал он. – Да вы до сих пор не поняли, отчего ваша революция произошла… Единственная причина ее – с жиру вы сбесились…

Подвесная электрическая дорога (Инженер – Ипполит Владимирович Романов. Июнь 1900 г., Гатчина)

Я выразил удивление: это объяснение слишком уж просто.

Спуск в присутствии Николая II на воду крейсера «Аврора» 11 (24) мая 1900 г.

– Просто? – повторил на своем курьезном русском языке мой Улисс. – Просто да верно. Посмотрели бы вы, как живет наш греческий народ: кусочек немудреного хлеба, пара маслин, глоток вина, вот и все. А вы, чего у вас не было, чего?.. Я приехал к вам сюда, так удивился: жрет рабочий колбасу, булку белую пшеничную, водки пьет сколько влезет, да еще и жалуется

мерзавец, все ему еще мало. Нет, ты влез бы вот хоть на неделю в шкуру нашего рабочего или крестьянина, тогда бы ты узнал, что такое нужда… Зажрались, на стену с жиру полезли, вот и вся ваша революция… – сердито заключил он. – Ну, теперь, по крайней мере, вы будете знать, как делать революции и к чему это приводит!»

Юная семья с первенцем – великой княжной Ольгой

Каким бы прямолинейным ни казалось такое суждение, но последующая история подтвердила правоту грека. Когда коммунистический режим загнал-таки трудового человека в шкуру бедняка, едва перебивающегося от получки до получки, то потребовал еще и беспрерывно благодарить новоявленных отцов народа за эти нищенские подачки. И ведь не взъярился, не впал в революционное бешенство «самый передовой класс» – уныло тянул свою лямку да безропотно хлебал из корыта то, что угодно было даровать новым хозяевам…

Первые годы XX столетия, по мере того, как войны и

революции отделили это время от наступившего века смут и жестокости, стали казаться безмятежной и даже как бы сонной эпохой. Но попробуем перенестись на столетие назад, попытаемся представить себе, как воспринимали мир наши предки, которые до той поры жили достаточно спокойно и счастливо…

Николай II на прогулке с семьей. На велосипеде Великий князь Михаил Александрович, в коляске Великая княгиня Ольга Александровна, стоят сзади Великий князь Александр Михайлович с супругой Великой княгиней Ксенией Александровной (1900–1902 гг.)

Протуберанцы злобы прорывалась из сатанинских глубин, потрясая христианскую страну ужасными картинами крови и насилия. 3 февраля 1901 года студент Карпович убил министра просвещения Боголепова. Апрель 1902 года ознаменовался смертью министра внутренних дел Сипягина от руки террориста Балмашова. В июле 1904-го бомба эсеровского убийцы Созонова настигла министра внутренних дел Плеве. Духовные предки Дзержинского, Ягоды, Ежова и Берии уже творили бессудную расправу со всяким, кто посмел противостоять «беснующимся умам».

Площадь у Варшавского вокзала. Остаток кареты убитого министра Плеве (Фотография Карла Буллы, 28 июля 1904 г.)

То и дело вспыхивали студенческие волнения, подогреваемые агитаторами. В заграничных кафе собирались компании темных личностей, десятилетиями не числившихся на службе, однако безбедно существовавших на деньги неких «доброжелателей», на их же щедрые даяния выпускавших газеты, сколачивавших партии, не могущие похвалиться численностью, зато способные на любую низость ради достижения своих целей: убить, ограбить, оклеветать, продать военные и государственные секреты врагам своего Отечества, сеять на деньги этих врагов смуту и недовольство.

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна на крыше Большого Кремлевского дворца (1903 г.)

Но огромная масса народа ничего еще не знает об этих кознях. Она мирно трудится, воспитывает детей, отмечает семейные и религиозные праздники. А во время государственных торжеств, к которым относятся и дни тезоименитства (именины) монарха – со всей искренностью и сердечностью поет:

Сильный державный
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам
Царь православный…

Шторм

Январь 1904 года выдался штормовой. Русские суда в гаванях Дальнего Востока и Ляодунского полуострова пережидали непогоду. Немногочисленные боевые корабли, запертые в бухтах, не могли как обычно вести патрулирование в открытом море.

Обстрел крейсера «Баян» (Порт-Артур)

Для Японии переброска войск и снаряжения на Азиатский материк была столь же простым делом, как для русских марш-броски от Москвы до Твери. Новейшие броненосцы микадо за один-два дня достигали берегов Китая и Кореи. Сама природа благоволила коварным замыслам азиатского владыки.

Броненосец «Победа» (Порт-Артур)

Ночное нападение на русские корабли в гавани Порт-Артура без объявления войны было воспринято в культурных странах как обычное проявление азиатского вероломства. Но это оказалось лишь внешним проявлением добропорядочности западного мира. На деле во многих европейских столицах и за океаном – в Америке – потирали руки от удовольствия. Тем, кто тайно ликовал после первых неудач России, еще невдомек было, что подлый нрав азиатских «цивилизаторов» проявится через десяток лет при захвате германских колоний в Китае и на Тихом океане, а спустя 37 лет порт-артурская трагедия в гораздо большем масштабе повторится в Перл-Харборе.

Николай II выслушал доклад о японском нападении со своей обычной невозмутимостью. Присутствие духа он сохранял на всех этапах этой несчастной для России войны. Генерал Ю. Н. Данилов, наблюдавший императора в тот тяжелый год, писал: «В царском поезде большинство было удручено событиями, сознавая их важность и тяжесть. Но император Николай II почти один хранил холодное каменное спокойствие… Что это, спрашивал я себя, огромная, почти невероятная выдержка, достигнутая воспитанием, вера в божественную предопределенность событий или недостаточная сознательность»?

Подводная лодка «Порт-Артурец» (1904 г.) Была изготовлена в Порт-Артуре. Перед сдачей порта японцам взорвана и затоплена, чтобы сохранить изобретение в тайне.

Насчет недостаточной сознательности монарха вряд ли стоит оспаривать мнение мемуариста. Как-никак больше двух десятилетий Николай Александрович вел государственный корабль в условиях все крепчавшего шторма. А те, кто вырвал у него штурвал под предлогом «умиротворения» страны, за какие-то восемь месяцев привели Россию к октябрьской катастрофе…

Николай II с иконой благословляет солдат перед отправкой на фронт Русско-японской войны (1904 г., Петергоф)

Но пока следуют лишь первые удары волн взбесившегося времени. Ленты телеграфа раз за разом приносят дурные вести:

Апрель 1904 г. – поражение русских войск под Тюренченом;

Июнь 1904 г. – отступление после боев у Вафангоу;

Август 1904 г. – неудачный для русских исход сражения под Ляояном;

Октябрь 1904 г. – поражение у Шахэ;

Декабрь 1904 г. – сдача Порт-Артура;

Февраль 1905 г. – отступление после боев под Мукденом;

Май 1905 г. – гибель флота в Цусимском сражении.

Россия к войне была не готова. Даже железная дорога на Восток не была окончена, поэтому, дабы ускорить переброску войск на недостроенном участке проложили рельсы по льду Байкала, чтобы соединить два отрезка магистрали. Задача снабжения войск, расположенных более чем за десять тысяч верст от жизненных центров страны, оказалась сверхсложной. Замечу в скобках для сравнения, что операция всего объединенного Запада против пустынного Ирака (1991 год) потребовала шесть месяцев подготовки в условиях мира. Что говорить о тяжести проблем, вставших перед Россией, осуществлявшей переброску и снабжение войск в условиях ожесточенных боевых действий.

Засада в гаоляне (Русско-японская война, автор фотографии – Прокудин-Горский)

Понятно, что Япония учла все эти обстоятельства и выбрала момент для внезапного удара, пока Транссибирская магистраль не была окончена, пока не были завершены фортификационные работы в русских крепостях, пока на Восток не был переведен флот.

Перевозка продовольствия по переносной железной дороге. Русско-японская война. 1904–1905 гг.

Но даже в условиях такого неравного старта Россия неизбежно раздавила бы Японию. В этом не сомневался никто, включая тех, кто голосил о бездарности главнокомандующих русской армии Куропаткина и Линевича. Если бы маховик военной мощи империи раскрутился на полные обороты, в Манчжурии и Корее не осталось бы ни одного солдата микадо. Именно понимая это, Япония и ее финансовые покровители (главную роль играл Яков Шифф, американский банкир) бросили немалые средства на организации «пятой колонны» внутри страны. Завсегдатаи женевских и парижских кафе воспряли духом, когда на них пролился золотой дождь. В Россию ринулись шайки изменников, до зубов вооруженных отнюдь не на средства, собранные за счет партийных взносов. (Да в этих партиях и состояло-то по две-три сотни членов!).

Воздушный шар «Санкт-Петербург» Восточно-Сибирского Воздухоплавательного полевого батальона. (Порт-Артур, форт № 6)

Провокатор Гапон, выведший многотысячные толпы на улицы Петербурга, может быть, и не ведал, что творил. Но те, кто направлял его, прекрасно понимали, к каким последствиям может привести это в условиях военного положения, когда лучшая часть армии находится за пределами империи. Во всякой воюющей стране возникновение миллионных демонстраций в столице было

бы воспринято как удар в спину.

Георгий Аполлонович Гапон

Через несколько дней после «кровавого воскресенья» – 14 января 1905 года – Святейший Синод Русской православной церкви выступил с заявлением, в котором прямо указал, что так называемое «рабочее движение» было оплачено японскими деньгами.

9 января 1905 г. Кавалеристы у Певческого моста задерживают движение шествия к Зимнему дворцу

Свидетельств тесного союза японского правительства (вот уж действительно азиатская деспотия!) с «революционерами» предостаточно. Особенно примечательно, что все, кто оказался в плену в ходе боев в Манчжурии, отмечали в своих мемуарах: в лагерях военнопленных усиленно велась социалистическая пропаганда, распространялась литература соответствующих партий. Задолго до власовцев, оказывается, находились на Руси иуды, готовые стать идейной прислугой врага собственной страны!

Баррикада в Москве. Оружейный переулок (1905 г.)

Понятно, что доставка «революционного» чтива за десятки тысяч верст в концлагеря на Хоккайдо производили отнюдь не на членские взносы мелких партий вроде той, что вскормила Ульянова-младшего… Когда через десять лет теми же методами началась обработка русских солдат, содержавшихся в немецком плену, у красных коллаборационистов уже имелся богатый опыт сотрудничества с внешним врагом…

Тем временем враг внутренний не только спровоцировал братоубийственный столкновения в Петербурге, не только подстрекал студентов ряда высших учебных заведений посылать приветственные телеграммы японскому императору по случаю побед его армии. Этот враг многократно умножил удары по самым честным, преданным России политическим и военным деятелям.

В феврале 1905 года террорист Каляев убил дядю царя Великого князя Сергея Александровича, занимавшего пост московского генерал-губернатора. Это покушение положило начало подлинной войне красных убийц против русского государства. О размахе ее можно судить по выборочным газетным сообщениям лишь за несколько дней 1906 года:

2 августа, Варшава. Убиты 13 городовых, 4 околоточных, 7 жандармов и 4 солдата.

10 августа, Тула. Убит председатель Тульского окружного суда Ремизов.

21 августа, Севастополь. Убит на глазах у семьи кондуктор флота Филиппов.

30 августа, Варшава. Убиты подпоручик Огурцов и его дама.

4 сентября, Рига. Убит волостной писарь Миккельсон.

6 сентября, Ташкент. Прокурор местной судебной палаты Шарыгин убит студентом Бодрицким, который незадолго до того был освобожден тем же прокурором под залог.

19 сентября, Ашхабад. Убит прокурор военно-окружного суда Ренкевич.

21 сентября, Симбирск. Смертельно ранен бомбой губернатор Старынкевич.

23 сентября, Домбров. Застрелен директор франко-русского общества Станкевич.

Убийство великого князя Сергея Александровича на Сенатской площади Кремля (1905 г.)

И еще одна обобщающая строчка в кровавой статистике того черного года: за полтора месяца (с 1 июля по 15 августа) левыми произведены 613 покушений, в которых убиты 244, ранен 331 человек. Для сравнения стоит указать, что правыми за все предреволюционные годы были убиты только трое: депутаты Герценштейн, Иоллос и Караваев.

Целенаправленно и последовательно выбивали всех, кто не спасовал перед социалистическо-коммунистическими бесами. Общий счет жертв, понесенных императорской Россией в этой борьбе с подлым врагом, действовавшим из-за угла, стрелявшим в спину, расправлявшимся с безоружными – 12 тысяч человек. Такова цена двухлетней смуты, оплаченной иностранными деньгами.

Вакханалия терроризма распространилась настолько широко, что «освободители» вскоре принялись убивать всех без разбора. Когда одного из пойманных в Самаре убийц губернатора Блока спросили «За что организация приговорила администратора к смерти?», «товарищ Вадим» ответил: «Убили, так как это вообще заведено».

И в этих нечеловеческих условиях, когда террор каждый день вырывал из рядов его соратников самых смелых и талантливых людей, угрожал его собственной семье, император Николай II не позволял чувству гнева и мести овладеть собой. В разгар политического бандитизма царю было предложено ввести военно-

полевые суды для разбора на месте дел захваченных убийц и погромщиков. Но даже в условиях грозящей государству гибели император счел нужным призвать тех, кто стоял на передовых рубежах борьбы с террором, к хладнокровию. Его резолюция на поданном ему проекте положения о военно-полевых судах гласит: «… Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильным, когда они претворяются в исполнение через 48 часов после совершения преступления, – иначе они являются актами мести и холодной жестокости. Николай».

Можно было бы думать, что именно карательная политика самодержавия смогла остановить натиск вооруженных банд. Так, во всяком случае, преподносилось дело русскому (да и мировому) общественному мнению. Но вот даже подсчеты советского историка В. Дякина, понятно, не жаловавшего императорскую Россию, дали в общем итоге 4900 казненных за 1906–1910 года (эти подсчеты опубликованы в 1978 г.)[1]. Согласимся, что против 12 тысяч жертв революционного психоза это не такие уж большие цифры. Не только о правительственном терроре – даже о простом мщении за содеянное не может идти речь.

А если припомнить, что в ответ на легкое ранение узурпатора власти Ульянова в августе 1918 года левыми палачами были расстреляны десятки тысяч заложников, включая стариков, женщин и несовершеннолетних, то приходишь к выводу, что историческая вина самодержавия – не в тех репрессиях, которым оно подвергло представителей социалистического разбоя; его неизгладимая вина перед человечеством в том, что оно не выжгло без всякой пощады бацилл коммунистической чумы уже в 1906–1907 годах… Кстати сказать, левые о жертвах среди служащих государственного аппарата и просто мирных жителях, угодивших под «освободительную» пулю, отнюдь не плакались.

Семья купца Поленова в 1910 году. Расстреляна в дни «красного террора» в 1918 году.

Тактика повального террора дала свои плоды. Война из-за угла, происходившая в 1905–1907 годах, привела к значительному оскудению правительственного аппарата. Решительных людей, таких как П. Н. Дурново или В. А. Столыпин к моменту нового натиска сил тьмы, оказалось слишком мало. Именно это имел в виду председатель Госсовета И. Г. Щегловитов, принявший активное участие в преодолении первой смуты: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции». Эти слова, произнесенные в 1916 г., ему припомнили через два года – 23 августа 1918 года выдающийся государственник был публично расстрелян коммунистическими палачами в Петровском парке Москвы. Эти-то колебаний не знали…

В трудные годы, когда государственный корабль едва удерживался на плаву, именно внешнее бесстрастие, даже иной раз показная безмятежность царя вселяли спокойствие в окружавших его политиков и военных. Советские историки с торжеством выуживают из дневников царя записи о погоде, о том, как он постреливал ворон на прогулках. Но ведь эти подбитые вороны словно бы символизировали для императора и всех знавших его будничность, нерушимость бытия. Можно представить себе, почему, зафиксировав в дневнике основные события, встречи и разговоры дня, Николай Александрович прилежно заносил туда же и данные о погоде и поминал

пресловутых ворон – он как бы хотел убедить себя в равновеликости политических и бытовых величин, преуменьшить тем самым значимость первых, заглушить тревогу. К тому же, обличители монарха почему-то умалчивают о том, что основные события в жизни дворца со стародавних времен подробнейшим образом заносились в так называемый камер-фурьерский журнал, посему императору вовсе не было необходимости отображать в своем дневнике всякий факт. Впрочем, стоит ли спорить с псевдо-историками? Если бы даже автор дневника обнаружил литературный талант Тургенева, «классовые» щелкоперы все равно нашли бы к чему придраться в его личности и с одинаковым блеском выполнили бы веление своей партийной совести – обосновать главный тезис: все-таки справедливо и законно поступили палачи в июле 1918 года, свершившие скорый «пролетарский суд» над императорской семьей…

Выступление Николая II перед депутатами государственной думы по случаю ее открытия (1906 г.)

Несмотря на усиление политического шторма, состав правительственной команды менялся мало. Премьера Сергея Юльевича Витте ненадолго сменил Иван Логинович Горемыкин. Затем этот пост более пяти лет – до своей смерти – занимал Петр Аркадьевич Столыпин. В самые тяжелые дни министерством внутренних дел руководили Петр Николаевич Дурново и тот же

Столыпин. Внешнеполитический курс страны проводил Сергей Дмитриевич Сазонов. Финансами ведал Владимир Николаевич Коковцов. Министерство юстиции много лет возглавлял Иван Григорьевич Щегловитов. Обо всех этих политических деятелях знавшие их современники отзывались чрезвычайно высоко. Некоторые из них оставили мемуары (Витте, Сазонов, Коковцов), по которым можно судить о выдающихся талантах их авторов. Среди духовного наследия министра земледелия и государственных имуществ Алексея Сергеевича Ермолова многотомный труд «Русская народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах», и сегодня поражающий глубиной знаний, литературной одаренностью. Другие из деятелей высшего политического руководства царской России не успели оставить мемуаров или научных трудов, зато их идейное наследие по сей день привлекает историков русской общественной мысли.

Понятно, что такой подбор выдающихся людей был не стихийным явлением. Именно масштаб личности руководителя страны Николая II определял калибр деятелей, стоявших вместе с ним у руля великой империи. При этом важно отметить, что подбор производился не по принципу личной преданности, а по деловым качествам. К некоторым из своих министров царь не питал симпатии, но ценил их профессионализм, и они без помех, без одергиваний со стороны императора годами руководили вверенными им ведомствами. Непоколебимый патриотизм, личное мужество, громадная работоспособность, дар политического предвидения – все эти качества были присущи первым лицам государственного управления.

И по контрасту с ними – сколь ничтожными оказались те, кто годами вставлял палки в колеса правительству в его попытках провести необходимые преобразования, изолировать политических уголовников, домогающихся власти над народом! Особенно рьяно подкапывались под все политические и экономические мероприятия императора и его ближайшего сподвижника Столыпина так называемые кадеты – партия конституционных демократов во главе с П. Милюковым.

Это дало основание близкой к премьер-министру газете «Россия» сравнить так называемую оппозицию с отрядом неприятельской армии.

Задолго до позорного краха этой партии, взявшейся весной 1917 года руководить страной, один из главных сотрудников Столыпина И. Я. Гурлянд предсказывал итоги тайных интриг кадетов:

«Жалкие, они не понимают, что они первые будут жертвой

своего заговора, и, что, если бы им действительно когда-нибудь удалось вызвать ту «вторую революцию», о которой они теперь столь сладострастно мечтают, то они первые были бы брошены под ноги озверевшей революционной улице…»

Но никакие самые проницательные суждения не могли вразумить наше убогое «общественное мнение». Ни дарованная царем 17 октября 1905 года конституция, ни реально существовавшая свобода печати и политических партий не могли удовлетворить тех, кому по пословице, попала под хвост революционная вожжа. С маниакальной последовательностью они раскачивали тысячелетнее древо российской монархии, словно назойливые осы норовя влезть в любую щелку и ужалить. Тот же Гурлянд с горечью писал: «Кто из этой группы попадал на профессорскую кафедру, вел ту же линию. Говорил ли он о строении черепахи, учил ли разнице между русским государственным строем и прелестями народоправства, говорил ли он о корнях какого-либо растения – всегда и везде бросались в умы молодежи семена презрения и ненависти к существующему порядку вещей и жажда иного порядка, при котором наступил бы золотой век правды и свободы».

Кадетские депутаты в Государственной Думе – а это еще не самые оголтелые из левых – злопыхательствовали с трибуны этого законодательного органа. И. Петрункевич именовал патриотизм «омерзительным», а его сподвижник профессор Кареев предлагал самое имя России уничтожить и заменить чем-нибудь вроде Восточно-Европейских штатов или Восточной парламентарии…

Если уж таковы были «вожди» тогдашней интеллигенции, можно понять, чего стоила она сама. Любая акция правительства вызывала в этой среде злобное противодействие, любая неудача государства порождала буйную радость. Достаточно одного примера, чтобы представить себе, каков был нравственный уровень так называемой «общественности». В книге Ивана Наживина «Записки о революции» есть яркий эпизод. В 1919 году автор встретился в Одессе с Иваном Буниным, тот говорил ему: «– Да, легкомысленны были мы, Иван Федорович, легкомысленны!… Теперь греха таить уже нечего… Я помню, получил я у себя в деревне известие об убийстве Столыпина – теперь трудно и поверить, что я бегал по террасе и визжал от радости…».

Рыцари России

Когда 1 сентября 1911 года в киевском театре прозвучал выстрел Мордехая Богрова, сразивший Столыпина, рядом с премьером в ложе находился Николай II. Сжав в ладонях руку смертельно раненого сподвижника, император с горечью смотрел в его широко раскрытые глаза. Как беспощаден был исторический рок к лучшим сынам отечества! Вот и Петру Аркадьевичу судьба отпустила только пять лет, хотя он просил у истории двадцать спокойных лет для того, чтобы построить новую великую Россию…

П. А. Столыпин в Полтаве во время прибытия Государя Императора на торжества 200-летия Полтавской победы (26 июня 1909 г.)

Именно император высмотрел Столыпина еще в ту пору, когда тот занимал скромный пост саратовского губернатора. Проявив твердость и бесстрашие в борьбе с «красной сотней», Петр Аркадьевич собственным примером вселял уверенность в тех, кто поначалу дрогнул под натиском терроризма. Именно такой человек был нужен России в час величайшего испытания. И в апреле 1906 года царь назначает его министром внутренних дел, а через несколько месяцев и председателем Совета

министров.

Палуба государственного корабля то и дело уходит из-под ног, дело идет, казалось бы, лишь о спасении. Но Столыпин именно в эти катастрофические дни лета 1906 года разрабатывает программу решительных реформ, способных изменить лик России. На него нападают левые (взрыв в его доме искалечил дочь премьера), на него обрушиваются правые консерваторы, усмотревшие в планируемых им мерах угрозу своим сословным привилегиям. Но он последовательно проводит свой курс на обновление и укрепление империи.

Суть программы Столыпина, внимательно изученной и одобренной Николаем II, сводилась к следующему.

Революционная пропаганда достигла успеха прежде всего из-за недовольства крестьян своим положением. Малоземелье и зависимость от сельской общины делали мужика готовым к восприятия любой агитации, эксплуатирующей чувство зависти к ближнему. Если бы удалось разрушить уравниловку, порождавшуюся общиной и создать в деревне слой независимых крепких хозяев – красным демагогам было бы невозможно натравливать одну часть народа на другую.

Те же цели преследовала реформа местного самоуправления и суда. Сельский хозяин должен был стать благодаря ей деятельным участником управления государством.

Столыпин провозгласил вероисповедную терпимость, что позволяло снять накопившееся за века недоверие между приверженцами различных христианских конфессий (православными, униатами, старообрядцами).

И, наконец, было объявлено о проекте введения всеобщего начального обучения.

Известный политический деятель этой эпохи депутат Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин писал впоследствии, оценивая эпоху великого реформатора: «Мы твердо стали вокруг и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли «через волю» они не получат, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в «отрубах», в «хуторах», как тогда говорили, и, наконец, что «волю» народ получит только через землю, т. е. не прежде, чем он научится ее, землю, чтить, любить и добросовестно обрабатывать, ибо только тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином…»

Николай II предоставил Столыпину полную свободу действий – более пяти лет, несмотря на нападки и интриги этот рыцарь

России проводил свой курс под «политическим зонтиком» императора. Как ни пытались и не пытаются ныне сегодня историки марксистско-ленинского посева уверить нас в том, что царь чуть ли не ревновал к славе Столыпина, чуть ли не вставлял ему палки в колеса – факт остается фактом: он сохранил премьера несмотря на сильнейшее давление влиятельных политических сил.

Столыпин (в белом мундире справа) при представлении императору еврейской делегации и поднесении ею Торы (30 августа 1911 г.)

Оба они – император и его первый министр – словно закованные в латы рыцари, пробивались через сонмища всевозможных врагов к сияющей вдали заветной цели: могуществу и счастью отечества.

Оба они любили и знали свой народ. Именно пониманием интересов подавляющего большинства населения страны – крестьян – была продиктована программа Столыпина и царя. Оттого-то оба они дерзнули выступить против интересов поместного дворянства, желавшего сохранить и свое экономическое господство в деревне, и верховенство в органах местного самоуправления. Будучи сами плотью от плоти первенствующего сословия, царь и Столыпин сумели встать над его интересами во имя интересов общенародных.

П. А. Столыпин на прибытии Их Величеств в Киев (29 августа 1911 г.)

И тот и другой любили и умели говорить с простыми людьми. Не раз во время поездок по России император выходил из экипажа и смешивался с толпой селян. Одну из таких незапланированных встреч на Полтавщине с крестьянами, собравшимися на ярмарку, описал впоследствии генерал Мосолов.

Дело происходило в 1909 году. Страна готовилась к 200-летию Полтавской битвы. Именно на юбилейные торжества и прибыл царь. Был самый разгар столыпинских аграрных преобразований, так что мужика весьма волновали происходившие в деревне процессы. На императора обрушился шквал вопросов, в массе своей весьма каверзных. Но он с таким мастерством спорил, говорил столь ясно и просто, что двухчасовая дискуссия окончилась полной победой Николая II. Мужики расходились, дивясь уму и простоте самодержца.

Именно понимание нужд народа обусловило поддержку Столыпина императором. И в то же время, царю приходилось постоянно осаживать правых и либералов, носившихся с разными «народолюбивыми» проектами. Как-то раз выслушав подобные маниловские рассуждения министра иностранных дел Сазонова, Николай II сочувственно сказал: «Поверьте мне, если когда-нибудь вы и другие вроде вас очутитесь лицом к лицу с русским

народом, недели через две от вас ничего не останется».

1 сентября 1911 года пуля убийцы поразила одного из рыцарей России. Отныне императору выпало в одиночку пробиваться к сияющему вдали хрустальному замку их общей мечты. Сподвижника, подобного Столыпину, судьба не могла ему дать.

Ибо такие богатыри рождаются, быть может, раз в столетие.

Погребение П. А. Столыпина у Трапезной церкви в Киево-Печерской Лавре (9 сентября 1911 г.)

Любовь, надежда, вера

Не было такой стороны в деятельности императора Николая II, которая не подверглась бы очернению в писаниях сначала «прогрессистов», а затем и литературной прислуги коммунистического режима. Если не удавалось отыскать чего-либо порочащего, предавали осмеянию даже заведомо положительные черты его характера. Словом, убитый император никаким образом не сумел бы подладиться (знай он, что придется «позировать» для либеральных и большевистских биографов) под беспощадные вкусы моралистов этого сорта. Если был хладнокровен – получал ярлык «амебы». Если проявлял твердость – обзывали «кровавым», «вешателем». Даже привязанность государя к семье – и та послужила для литературных палачей материалом к обвинительному заключению. Только один пример – писания видного эсера, входившего в число организаторов Февральского переворота С. Мстиславского[2]: «… Николай Александрович был примерным семьянином… Он точно прятался от жизни в тесный, замкнутый, опресненный до обывательского застоя, мирок. Когда впоследствии уже после отречения, он говорил об удовольствии, которое доставляет ему колка дров, прогулки и к одной семейности сведенный круг, – он был, несомненно, искренен: он не мог не испытывать огромного облегчения от сознания, что он приобрел, наконец, право – ни о чем не думать».

Царская семья на яхте «Штандарт» (Ольга, Николай II держит Алексея, за ним Анастасия, рядом супруга Александра Федоровна, перед ней Мария, рядом стоит Татьяна) (1907 г.)

Таковы умозаключения человека, который всю свою жизнь двурушничал – наружно служа государству за немалую мзду и тайно участвуя во всех подрывных организациях – от масонской ложи до партии социалистов. Что мог знать и понимать о жизни венценосцев тот, кого хватило на то, чтобы раз в жизни взбунтовать чернь, а затем десятилетиями лакействовать (в писаниях своих) перед новыми властителями?..

Какой же веры заслуживают сочинения всякого рода касвиновых и радзинских[3], занятых обелением палачей или, если это не ко времени, хотя бы их «извинением». Такие как Мстиславский хотя бы нюхнули край царских одежд, а нынешние?..

Но задача наша не «оспоривать глупца», по слову Пушкина, – а показать истинный облик того, кого Русская церковь причислила к святым покровителям своего народа. Ведь он действительно обладал редким – особенно в наше время – даром любви. Сколько людей, встречавших императора хотя бы раз в жизни, говорили о его способности очаровывать, привлекать к себе. Особенно показательны такие свидетельства, исходящие от простых людей – в этой среде вряд ли объяснишь

привлекательность государя хорошими манерами или воспитанием. Выросшие в православной среде, такие собеседники императора понимали человечность и доброту прежде всего в религиозном значении. Любовь к ближнему, а не светская вежливость – их различие было весьма ощутимо для людей той древней культуры, которая почти выветрилась ныне.

Солдат-украинец, прикованный к госпитальной койке, говорил флигель-адъютанту В. Свечину, побывавшему в палате для раненых после визита Николая II: «Ваше высокоблагородие, у государя такие глаза, що в жисть не бачил – до смерти не забуду. Люди говорили, что ему до нас дела нет… Теперь я знаю – то злодеи, хуже немца – все брешут… Уж мене теперь сего не скажут… Коли бог даст, выдужаю – убью всякого, хто скажет що такое подобное… Я видел его глаза и знаю теперь правду. В них слезы были, вот те Христос, сам видел. Сказать не поверят: Царь, Император Российский плаче… Смотрил на нас искалеченных и плакал… Знать жалел. Видно, правду в полку учили, когда сказывали, що мы для него як дити. Как есть отец по детям и плаче…»

После таких слов требуется ли особо говорить о родительских чувствах императора к собственным детям? Остается лишь добавить, что это был образцовый отец, а вся императорская семья являла собой олицетворение истинно христианской семьи, идеал православного дома для всей России. Так она и воспринималась нашими недавними предками – многодетная крестьянская Русь видела в Помазаннике Божием и его семье как бы прообраз святого семейства, святого, и в то же время близкого всем – и по одновременности жития своего на одной с каждым из русских людей земле, на одном языке говорящей, одни молитвы каждодневно творящей…

Венчание Николая II и великой княжны Александры Федоровны (Худ. И. Е. Репин)

После торжественного венчания в ноябре 1894 года невеста молодого царя стала именоваться государыней императрицей Александрой Федоровной (она согласно закону Российской империи приняла православие). Через год появился на свет первый ребенок царской четы – великая княжна Ольга Николаевна. В июне 1897 года родилась Татьяна, в мае 1899 – Мария, в июне 1901 – Анастасия. Наконец, 30 июля 1904 года родился долгожданный наследник престола – великий князь Алексей Николаевич. По этому случаю царь издал манифест, предоставлявший населению России различные льготы.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна (1896 г.)

Но уже вскоре радость родителей была омрачена – через несколько дней после рождения у Алексея началось кровотечение, все попытки врачей остановить его оказались безуспешными, оно прекратилось через какое-то время само по себе. Выяснилось, что наследник болен гемофилией – несвертываемостью крови. Этот редкий недуг передался ему через мать от ее бабки – английской королевы Виктории. Женщины сами не страдают от гемофилии, ей подвержено только мужское потомство. Опасность болезни в том, что любой ушиб или порез может стать причиной смерти больного от внутреннего кровоизлияния или кровотечения из мелкой ранки. Ни тогдашняя, ни теперешняя медицина не смогли найти способ излечения, и только нетрадиционные методы врачевания оказались эффективными. Единственным, кто мог облегчать страдания царевича Алексея, оказался выходец из далекого сибирского села Григорий Распутин…

Еще несколько лет назад имя этого сибирского крестьянина

слыло символом «разложения монархии»: с подачи кадетской и социалистической прессы 1910-х годов и советские публицисты упражнялись в сочинении небылиц о злодее Распутине. Истина же куда проще: миф, созданный газетно-журналистской мафией, необходим был для дискредитации императорской фамилии и политической системы, олицетворявшейся Николаем II.

Великие княгини Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и наследник Престола Русского цесаревич Алексий (1910 г.)

Автор этих строк, когда-то вдоволь начитавшийся антираспутинских сочинений, был изрядно шокирован сообщением старого питерского собирателя пословиц Федора Петровича Некрылова. Фольклорист составил сборник воспоминаний о своем учителе – известном физиологе Алексее Алексеевиче Ухтомском – и пытался пристроить их в печать. Дело было в начале 1980-х годов, и публикация этих мемуаров оказалась непростым делом. Ибо академик, скончавшийся в блокадном Ленинграде, был весьма неоднозначной фигурой. Мало того, что он закончил духовную академию и принял сан старообрядческого священника, он еще и состоял в близком родстве с князем Эспером Эсперовичем Ухтомским, воспитателем последнего русского царя. Посему в дореволюционные годы и сам как отпрыск древнего княжеского рода был вхож в великосветские дома Петербурга.

Рассказывая о своих мытарствах с книжкой мемуаров, Ф. П. Некрылов как-то обмолвился о своей давней беседе с Ухтомским в конце 20-х годов. «Алексей Алексеевич, говорят, вы были знакомы с Распутиным. Расскажите, пожалуйста, об этом монстре…» Академик-старообрядец вскинул седые брови и возмущенно произнес целую тираду: «Молодой человек, не

повторяйте газетную брехню. Распутин был выдающейся, редчайшей личностью. Это громадный природный талант, какие время от времени рождаются в русском народе. Умница, насквозь видевший каждого – будь то великий князь или простой мужик, мудрец и невероятной силы целитель…»

Таково мнение крупнейшего русского физиолога, автора теории доминанты, дающей возможность понять и определить человека не только как животное, но и как духовное существо. После рассказа Некрылова я стал критически относиться ко всем упоминаниям о Распутине, в огромном числе рассыпанным по страницам мемуаров и исследований. И – странное дело, как я раньше не замечал – если отвлечься от чисто субъективных оценок его личности, никто не смог предъявить доказательств шарлатанства Распутина. Напротив, огромное число свидетельств его сверхъестественных способностей, позволяет сделать заключение о закономерности его появления в царском дворце. А тот «негатив» о Распутине, которым манипулирует пропаганда, враждебная Николаю II, – не почерпнут ли он из воспоминаний тех лиц, кого «увидел насквозь» этот русский самородок? Он, приближенный к самой вершине власти из самых низов, надо полагать, имел нюх на врагов династии – а они-то и стали основными поставщиками небылиц про «святого старца». Еще бы: тебя принародно вывернули наизнанку да еще метким словцом (за которым Распутин в карман не лазил) пригвоздили – как тут не постараешься отмыться перед потомством, а заодно и обидчика опорочить…

Кстати сказать, миф о Распутине сотворен был тогда, когда враждебные монархии силы уже готовились к штурму власти – это было в годы мировой войны. А ведь лекарь-экстрасенс объявился во дворце за десять лет до того – 1 ноября 1905 года. Годовалый цесаревич был в тот момент болен. Подойдя к его ложу, Распутин стал шептать молитвы, и через некоторое время ребенок успокоился, заснул. По пробуждении у него появился здоровый румянец, дело пошло на поправку.

Можно понять доверие к Григорию со стороны матери Алексея, уже отчаявшейся найти средство к облегчению страданий сына. Царь же мало общался с Распутиным – по свидетельству бывшего премьер-министра Коковцова, он сказал ему, что «мельком» видел «святого старца» всего несколько раз. Как бы то ни было, всякий, кто бросает камень в родителей цесаревича Алексея за их веру в целительную силу распутинских сеансов, должен мысленно оглянуться на миллионы сегодняшних сограждан, вооруженных научным мировоззрением, которые подставляют к экранам телевизоров банки с водой, когда их

молча «заряжает» откровенный мошенник Чумак…

Распутин

В почитании Распутина петербургским светом пересеклись не только вера в его удивительные способности, но и тревожная жажда духовного прозрения. В эпоху смут, войн, оскудения древних идеалов тяга к сильным личностям, несущим новое слово, всегда становится заметнее. Но для царской семьи такие поиски как раз не были свойственны, что бы ни пытались приписать ей позднее. Если бы не способности целителя, Распутин никогда не стал бы «молитвенником за царствующий дом». Его ввела во дворец сила Надежды – ибо в лице царевича Алексея царь и Россия видели исполнителя их упований на будущее.

Вся жизнь Николая II и его семьи проходила под знаком горячей веры. Но в отличие от многих и многих «ищущих», в царской семье не знали потребности в каком-то новом слове. Евангелие было для них средоточием вечных истин, а Христос, как небесный Царь – идеалом для земного властителя. С ним и сверял свой путь государь Николай II. Молитва, церковная служба, причастие были столь же насущной потребностью для императора и его близких, как для безрелигиозного человека хлеб и одежда.

Религиозное мировоззрение придавало цельность и последовательность государственному курсу императора. Его политический идеал – неограниченное самодержавие – также обусловлен его христианскими убеждениями. В этой связи представляет первостепенное значение свидетельство А. П. Извольского, долгое время возглавлявшего министерство иностранных дел при Николае II:

«Во время кронштадтского восстания я имел случай впервые наблюдать самообладание императора и его способность сохранять спокойный вид перед лицом столь важных событий. Эта способность к самообладанию, которая была ему свойственна в величайшей степени даже в самые трагические моменты, вызывала разнообразные и часто неправильные толкования. Она рассматривалась как доказательство некоторой врожденной черствости и даже отсутствия моральной чуткости[…]

Николай II во время прогулки с детьми на берегу Финского залива. Слева – Цесаревич Алексей, справа – Великая Княжна Анастасия (1907 г.)

Но, наблюдая не один раз императора Николая в различные критические моменты, я убежден в полной ошибочности этого мнения и хочу показать в правильном свете эту черту характера моего несчастного государя.

В тот день, когда восстание достигло своей кульминационной точки, я был у императора с моим еженедельным докладом о делах министерства. Это происходило в Петергофе, на императорской вилле, расположенной на берегу Финского залива против острова, на котором находится Кронштадтская крепость, всего в пятнадцати километрах от нее. Я сидел перед императором за маленьким столом, находящимся перед окном с видом на море.

Из окон можно было ясно различить линии укреплений, и в то время, когда я излагал императору различные интересные вопросы, мы отчетливо слышали канонаду, которая, казалось, возрастала с минуты на минуту.

Он внимательно слушал и, как обычно, задавал вопросы,

интересуясь мельчайшими деталями моего доклада.

Я не заметил на его лице ни малейшего признака волнения, хотя он знал, что в этот момент решалась судьба его короны всего в нескольких километрах от места, где мы находились. Если бы крепость осталась в руках восставших, не только положение столицы становилось бы весьма опасным, но судьба его самого и его семьи была бы не менее опасна, так как пушки Кронштадта могли бы помешать всякой попытке бегства по морю.

Когда мой доклад был закончен, император некоторое время спокойно смотрел в открытое окно на линию горизонта.

Со своей стороны я был глубоко взволнован и не мог удержаться, даже с риском нарушить правила этикета, от выражения моего изумления перед его невозмутимостью.

Император, видимо, не разгневался на мое замечание, так как, подняв на меня глаза, полные той чрезвычайной мягкости, которая столь часто описывалась, произнес слова, глубоко врезавшиеся в мою память:

«Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, который поставил меня на мое место. Что бы ни случилось, я склонюсь перед его волей, полагая, что никогда я не имел другой мысли, как только служить стране, управление которой он мне вверил».

В ту же ночь восстание было окончательно подавлено, и я знаю, что он получил известие с тем же самым хладнокровием, с каким он слушал гром пушек за несколько часов перед этим.

Часто потом я имел возможность проверить впечатления, полученные мною в тот день, и никогда не имел основания изменить их. Я глубоко убежден, что источником, из которого император Николай черпал душевную ясность и веру в провиденциальный характер своего назначения, являлось религиозное чувство редкой напряженности».

Император Николай II закладывает первый кирпич в основание Феодоровского собора (Царское Село, 1909 г.)

Трудно представить себе сегодня, чтобы руководитель страны осуществил многодневное путешествие к месту подвигов святого и вместе со всем народом принял участие в перенесении гроба чудотворца. Именно такое странствие предприняла царская чета в июле 1903 года, когда Русская православная церковь совершала прославление святого Серафима Саровского. Монастырь, где происходил торжественный обряд, находился в захолустье Тамбовской губернии, и, чтобы добраться туда – особенно в те времена – надо было затратить много сил и времени.

Среди огромной толпы народа – в Саров собралось до 300 тысяч человек – царская чета отстояла все многочисленные службы, моля новопрославленного небесного заступника Русской земли о покровительстве. Причастившись из одной чаши с простолюдинами, тридцатипятилетний царь и его супруга приложились к мощам святого Серафима, как бы завещав таким образом будущим поколениям державный смысл его культа.

Как не усмотреть в судьбе этих мощей, поднятых императором из гроба, некий прообраз возрождения России… После большевистского переворота останки святого были извлечены из раки и отправлены… в музей атеизма, который новая власть устроила в Казанском соборе невской столицы. Со временем они затерялись и долго считались утраченными. Но в

1990 году были вновь обнаружены среди музейной рухляди. Патриарх Алексий сопровождал мощи от места их повторного обретения до Москвы и прошел с крестным ходом от вокзала к Богоявленскому собору, где они хранились до перенесения в Саров летом 1991 года. Посмертная судьба молитвенника за Русскую землю обретает черты национального мифа, утверждающего неистребимость духовного тела России, неизбежность ее государственно-политического возрождения. Мощи, к которым прикасались уста святых венценосцев, становятся источником державной мощи страны и народа, им поклоняющихся…

Религиозность императора наглядно проявлялась в том, что дела церкви, веры были для него столь же существенны и важны, как вопросы управления государством. Он принимал участие в обсуждении запросов православных иерархов, при его непосредственном попечении происходило прославление новых святых, издавна почитаемых народом как Божьих сродников. Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Иоанн Тобольский – все они вошли в православные святцы при Николае II. Симеон Верхотурский, почитаемый доныне как главный святой Урала и Сибири, также таинственным образом связан с царственными мучениками. Протоиерей Иоанн Сторожев, принимавший в 1914 году участие в перенесении мощей св. Симеона, оказался тем священником, который совершил 14 июля 1918 года последнее богослужение в доме Ипатьева и преподал его узникам последнее в их жизни пастырское благословение.

Перенесение мощей Серафима Саровского (олеография)

В середине 1970-х годов мне привелось посетить Верхотурье, где находится Николаевский монастырь. В одном из храмов обители, как мне приходилось читать, находились мощи святого Симеона. Я конечно, не ожидал найти их в целости и сохранности. Но то, что я увидел превзошло самые мрачные ожидания. Стены монастыря стали оградой «зоны», а башни по углам превратились в вышки охраны, с которых «вертухаи» наблюдали за порядком в лагере. Так что арестованными оказались не только мощи, но и все 5 церквей монастыря.

Спустившись на лодке по реке Туре до села Меркушино, затерявшегося вдалеке от больших дорог, я был преисполнен надежд хоть здесь увидеть что-то в относительной сохранности: именно в этой глуши были обретены мощи святого и выстроен величественный храм в его память. Но богатейшее некогда селение, привлекавшее паломников за тысячи верст, поразило запустением. Огромные кряжистые дома из лиственницы стояли с выбитыми окнами, по замусоренным комнатам слонялись бродячие псы и овцы. Когда-то бивший из-под основания храма источник был заглушен бетонной пробкой. Страшная картина разорения и обветшания символизировала для меня состояние национальной души России, допустившей гибель Помазанника Божия.

Я бродил по руинам храма, по останкам когда-то застекленной галереи, где прежде росли экзотические растения, а ныне – чахлый бурьян, – и ощущение окончательности свершившегося разгрома все сильнее овладевало мной. В сухой растрескавшейся земле подле церковной стены копалась нахохленная курица – единственное живое существо среди развалин. Но вот ей наскучила пыльная работа, и она отправилась к зарослям, рядом с которыми змеилась струйка воды. Попила и заковыляла в сторону села. Я проследил за поблескивающей на солнце полоской воды и увидел, что она заканчивается возле бетонного круга в земле. Источник святой воды заклепали, и люди перестали приходить за ней из дальних мест. Но даже бетон оказался не в силах удержать напор, и эта влага все же стала достоянием живого – хотя бы и такого неказистого, как увиденная мной встрепанная курица. И невольно подумалось тогда: что такое дело злых рук перед силой воды, которая служила древним символом вечности бытия?..

Особо почитаемый «царский» святой и последний самодержец, странным образом обручившиеся в неистовом смерче – что предвещает этот союз? Церковь уже возрождается на наших глазах… Но не станем спешить с пророчествами.

Православие, самодержавие, народность

Религиозное мировоззрение императора Николая наложило отпечаток и на политическую жизнь страны, и на противостояние идей. Воспринимая внешний мир, как несовершенное отражение того мира, где властвует высшая правда, царь пытался в меру своего разумения приблизить земное мироустройство к евангельскому идеалу. Конечно, в ту пору были еще неведомы методы формирования массового сознания, «промывания мозгов», с успехом опробованные тоталитарными режимами, а затем развитые и закрепленные в механизме манипулирования, сложившемся в развитых странах «свободного мира».

Растаптывание личности прессой и телевидением в ту пору было невозможно не только по техническим причинам. Во многом препятствием для оболванивания толпы служила массовая неграмотность населения. Один из самых проницательных русских мыслителей Константин Леонтьев утверждал, что полуграмотность куда страшнее неграмотности.

Большевистский режим недаром начал с форсированного введения всеобщего начального образования – посредством печатного слова гораздо проще оторвать человека от традиций, изустно передаваемых из поколения в поколение.

Как бы предчувствую возможность прихода таких «цивилизаторов», главный идеолог Александра III – Константин Петрович Победоносцев – выступал за широчайшее развитие церковно-приходских школ, способных воспитать народ в духе традиций. Этот человек стал в первый период правления Николая II вдохновителем многих начинаний молодого царя. Впоследствии окружение монарха не выдвигало больше столь цельного и влиятельного мыслителя.

Победоносцев был глубоко верующим человеком, причем это была вера просвещенная – Константин Петрович досконально знал богословскую литературу, сам осуществил перевод Нового Завета с древнегреческого, выпустил перевод сочинения одного из средневековых подвижников – Фомы Кемпийского – «О подражании Христу». Наследник престола, будущий царь Николай II постигал в общении с ним священную историю и богословскую мысль, знакомился с консервативными политическими воззрениями.

Если теоретическую подготовку по части обоснования христианского правления царя дал Победоносцев, то наставником

в религиозном делании стал Иоанн Кронштадский, духовник императора Александра III. Этот могучий духовидец, к которому стекались жаждущие поучения со всей России, за несколько десятилетий предсказал нашествие «красной чумы». За что тогдашнее интеллигентское общественное мнение заклеймило его как реакционера. Победоносцеву, впрочем, доставалось еще больше – иначе как обскурантом (то есть гонителем просвещения) его и не именовали: это за попытку ввести всеобщее начальное образование в духе христианской веры. Александр Блок определил время его наибольшего влияния при царском дворе: «Над Русью всей Победоносцев простер совиные крыла». Эта фраза всегда приводится как иллюстрация мрачной роли вдохновителя царей – но таков ли был приговор поэта, если вспомнить, что со времен древности сова почиталась символом мудрости?..

Внимание к мыслителям и практическим деятелям, отвергавшим идеалы либеральной и социалистической интеллигенции, способствовало выработке глубокого интереса императора Николая II к истории России, причем привязанность его к старине вступила в противоречие с официальным культом «медного всадника», указавшего стране западный путь развития. Назвав своего единственного сына Алексеем – имя, не пользовавшееся «доверием» в императорской фамилии послепетровских времен – последний русский царь подчеркнул этим выбором свой политический идеал: эпоха Алексея Михайловича, второго самодержца династии Романовых, с именем которого связаны наибольшие успехи России в XVII веке. Это же имя носил несчастный царевич Алексей, сын Петра I, казненный отцом за верность русской старине.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна в бальных костюмах (1903 г.)

Алексей Михайлович, прозванный современниками «Тишайшим», был последним русским монархом, на деле придерживавшимся христианских заповедей и в политике, и в повседневной жизни. Видимо, чтобы подчеркнуть эту преемственность, император Николай II первым из царей послепетровской эпохи, дал разрешение на распространение своих изображений в облачении 17 века и в шапке Мономаха, служившей в те времена короной православного царства.

Известно, что министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин, убитый в 1902 году террористом, также был большим почитателем «Тишайшего» и даже предлагал возродить при императорском дворе традиции и церемонии, существовавшие во второй половине 17 столетия. Он приказал отделать в своей официальной резиденции в Петербурге одно из помещений в духе

апартаментов древнего московского Кремля и, принимая в нем императора Николая II, придерживался всех деталей придворного этикета времен Алексея Михайловича.

Да и в самом царском дворце старорусская мода утверждалась все прочнее. Великосветские маскарады в одежде эпохи «Тишайшего» воспринималась с огромным энтузиазмом дворянской элитой.

Впрочем, начала древнерусско-православные не были только декорацией нового царствования. Николай II оказался первым из политиков тогдашнего мира, который попытался перенести в международные отношения евангельские принципы. Идея всеобщего и полного разоружения была высказана именно им – но тогда, на исходе XIX века его просто не услышали или же восприняли как некое чудачество. Европа лихорадочно вооружалась, все новые и новые орудия убийства создавались в лабораториях ученых и на фабриках промышленных магнатов.

Не имело отклика и применение на практике принципа милосердия в политике, продемонстрированного николаевской Россией. Когда после «боксерского» восстания в Китае, направленного против присутствия европейцев в этой стране, русская армия была введена в Манчжурию и быстро добилась разгрома китайцев, царь не воспользовался своей гегемонией в поверженной стране, но повелел войскам вернуться к местам дислокации, да к тому же оказал продовольственную и материальную помощь населению Манчжурии. Европа не поняла такого великодушия – не в обычае «культурных наций» было отдавать завоеванное.

Такие действия молодого императора породили надежды в славянофильских кругах, давно лелеявших идеал христианского государя. Один из публицистов этого направления Сергей Шарапов писал, осмысливая опыт первых лет царствования:

Групповой портрет некоторых участников костюмированного бала 1903 года

«Петербуржский период русской истории, характеризующийся слепою подражательностью и двухсотлетнею борьбою за торжество на Руси чуждых нашему народному духу начал, приходит, видимо, к концу. Перед нами на пороге нового века неизбежная и повелительная задача: благополучно ликвидировать старое историческое наследство, собраться с силами и начинать новую историческую полосу, – полосу *самобытного творчества во всех областях* (выделено автором – С. П.). Готовых образцов и шаблонов больше нет. Все вокруг нас рассыпается в прах».

Еще Конфуций сказал, что перед человеком открыты три пути к разуму: путь размышления – самый благородный; путь подражания – самый легкий; и путь личного опыта – самый тяжелый. Эти слова можно употребить и в отношении народов и государств, с той лишь поправкой, что мало кому удалось проделать какой-либо из этих путей в чистоте.

Казалось бы, император Николай II выбрал поначалу путь подражания – своему отцу, древнерусским царям, Царю Небесному. Но он привел его на такую развилку истории, когда вновь пришлось выбирать. И тогда он вступил на путь личного опыта – ни один из христианских монархов не выходил на рать с невиданной силой, которая отвергала не только Бога, но и самого человека, во имя которого будто бы ополчилась на старый порядок. Ибо отрицание прошлого, стремление строить иной мир на руинах, отрицало и прежнего человека. Недаром, придя к власти, «освободители» скрутили в бараний рог это «несовершенное» существо и принялись пестовать так

называемого нового человека.

Император Николай II выбрал самый трудный путь. Но вооружился на борьбу старыми нравственными понятиями – православием, народностью, милосердием. Кто бывал в Шушенском – ссылке с курортными условиями, в которой царь дал возможность набраться сил своему будущему палачу, – тот знает меру либерализма Николая II.

Монархист Шульгин передал на страницах своих мемуаров собственные рассуждения в дни революции: «Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50000 «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России». Но такие фразы можно было выписывать задним числом. Тогда-то он прекрасно знал, что царь ни в коем случае не пойдет на жестокость ради сохранения своей власти. В этом было главное его отличие от творцов «нового человека»[4]…

Сказка на земле

Сегодня цари бывают только в сказках. Но еще меньше века назад эта сказочная действительность реально существовала на нашей земле. И не только пышность царского двора, красота церемоний, нарядов и религиозных торжеств делала тогдашнюю жизнь похожей на чудесный вымысел. Если сегодня представить во всей полноте картину городской и сельской повседневности, то различие между тем, что окружает нас и тем, что видел вокруг себя подданный царской России, окажется столь же огромным, как отличие серого фотографического оттиска от живой жизни, подобием которой он является.

Николай II кормит слона в Царском селе

Как же жила Россия? Не будем заглядывать в великосветские салоны и дворцы вельмож – здесь всегда «несть ни печали, ни воздыхания». Попытаемся представить себе жизнь обычного человека. И в этом нам поможет всеведущая статистика…

«Ярмарка» Худ. Борис Кустодиев, 1906 г.

Известный русский просветитель Н. Рубакин привел в своей книге «Россия в цифрах» (1912) рисунок, на котором наглядно представлена структура питания рабочего в самой богатой стране тогдашнего мира – Англии – и его русского собрата. Выяснилось, что при среднегодовой зарплате чернорабочего-англичанина около 450 рублей (в пересчете с британских фунтов) и 400-рублевом доходе провинциального слесаря из России они потребляли примерно равные количества продуктов (с учетом особенностей национальной кухни). Так что передовая страна Запада обеспечивала своим согражданам ненамного более высокий уровень жизни, чем «отсталая» Россия. И разрыв между двумя империями с годами все более сокращался, так как темпы развития державы Николая II-го превосходили аналогичные показатели всех основных государств тогдашнего мира.

Если в России с 1900 по 1913 годы среднегодовой рост выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукций составил 17 %, то в Германии за тот же период соответствующая цифра равнялась 13 %, в США – 11 %.

Но, пожалуй лучше, чем всякие проценты, об уровне жизни русского народа могут поведать точные цифры. Заодно они покажут, каких результатов добился революционный пролетариат, свергнув «ненавистную царскую деспотию». Итак, что мог купить рабочий на свою зарплату в 1913 и,

соответственно, в 1936 году, когда было объявлено об окончательном построении социализма:

	1913	1936
Черный хлеб	333 кг	241 кг
Рис	90	34
Сливочное масло	21	13
Мясо (говядина)	53	29
Сахар (песок)	83	56

Цены в Москве в 1913 году (в копейках) по отношению к ценам эпохи социализма также заставляют задаться сакраментальным вопросом: «За что боролись?»

	1913	1936	Рост в %
Черный хлеб,1 кг	7,3 коп.	19,1	261
Гречневая крупа	17,1	96,8	566
Мясо	46,4	171,0	368
Масло	114,8	371,0	323
Сахар (песок)	29,3	90,0	307

Даже если поверить официальным советским данным о том, что средняя зарплата за это время возросла на 208 %, то и в этом случае окажется, что в дореволюционные годы рабочий тратил на питание около 50 % заработка, а к 1936 году – 70 %.

Каждый имеет сегодня возможность наведаться в ближайший магазин и сопоставить нынешние цены с теми, что были в эпоху царизма, а заодно и подсчитать, сколько чего он может приобрести на свою зарплату.

Не приходится и говорить о качестве жизни в ту «невыносимую» эпоху. Услужливые, внимательные приказчики в лавках, разлюбезные половые в трактирах, бесчисленные уличные торговцы пирогами, сбитнем, орехами, по первому мановению руки спешащие к покупателю – все это кажется столь же нереальным, столь же сказочным, как шапка Мономаха.

А то, что производили русские заводы и фабрики, достойно представляло во всем мире мастерство рабочего, оказавшегося, по иронии истории, предком советского неумехи и бракодела.

Общество велосипедистов (1901 г. Фотография Карла Карловича Буллы)

Д. И. Менделеев писал в своей работе «К познанию России», что экспортируемые из России текстильные изделия, прекрасные по качеству и очень дешевые, вытеснили с азиатских рынков соответствующие английские товары – даже в Индии, бывшей тогда британской колонией. Как нечто само собой разумевшееся Менделеев обронил: «Всякий русский, ездивший за границу, знает, что в России конфектные изделия всякого рода, начиная от простых карамелей и варенья до конфект высшего сорта, не только лучше, чем где бы то ни было, но и дешевле».

Н. Н. Обручев, написавший в эмиграции жизнеописание Николая II-го, отмечал: «… уверен, что каждый, живший в Императорской Россия, это подтвердит, что таких лимонадов, какие там выделывались, по своему качеству и вкусу, нигде заграницей не было и нет и сейчас; особенно в этом, отношении выделялись московские «фруктовые воды» Ланит и «Ситро» и «Клюквенный» Калинкина.

Наши консервы Прохорова, выделывавшие малороссийский борщ, судака в майонезе, жареных куропаток и тетеревов, сладкий горошек и т. д. и т. д., фруктовые консервы, особенно фабрики Магомета Омар Оглы в Темур Хан Шуре, наши рыбные консервы: шпроты, кильки, бычки, скумбрия, наши балыки, сиги, семга были и, хоть в прошлом, до сих пор остались вне

конкуренции, также как разные виды икры, папирос, табака и водки».

Первый в мире четырехмоторный бомбардировщик «Илья Муромец». Конструктор Игорь Сикорский (1888–1972 гг.) Первый полёт – 23 декабря 1913 год

При быстром росте промышленного производства (за 9 лет от русско-японской до Первой мировой войны – вдвое) и подъеме сельского хозяйства (что позволяло в больших объемах экспортировать хлеб, масло, сахар, табак, яйца), обеспечившими население всем необходимым, государство позволяло щедро ввозить из-за рубежа любые продукты и предметы роскоши. Витрины магазинов в самых отдаленных городах ломились от модных изделий. Любой мог выписать по заграничным каталогам нужный ему товар – рубль считался идеальным платежным средством во всем мире.

Можно представить себе состояние духа тех, кто помнил эти времена в эпоху «выработки нового человека». Если в 1913 году в Россию ввозилось 75 тысяч тонн чая, то в 1930 – 24 тысячи тонн. В 1913 для изготовления мыла импортировалось 110 тысяч тонн различных животных и растительных жиров. В годы первой пятилетки ввоз их сводится к нулю и мыло принялись фабриковать из глины (в 1932 г. она составляла по весу 40 % советского мыла). Тогда же прекратился ввоз кожи для обуви, риса, кофе, бумаги, тонкой шерсти, хлопка…

Но наиболее впечатляющие доказательства «достижений» тех, кто десятилетиями расшатывал самодержавную власть под предлогом ее мнимой некомпетентности, дают цифры иного рода.

В докладе, подготовленном в 1922 году специалистами Лиги Наций, есть такие данные по предреволюционной и

послереволюционной России:

	1909-1913 (в среднем)	1921
Производство зерна (млн тонн)	66,85	26,50
Площадь посевов	89,70	54,00
Урожайность (с гектара)	7,37	4,80

А уровень производства хлеба в 1913 году (80,1 млн. тонн) был вновь достигнут лишь в 1930 году. Но и тут надо учесть то обстоятельство, что в дореволюционной России учитывался урожай собранный, а советская статистика фиксировала урожай на корню.

Если в 1935 году на душу населения приходилось 5,4 центнера зерна против 6,3 в 1913, что означало уменьшение даже хлебного рациона на 1/5, то можно представить себе, какие ощущения испытывали зрители голодных «парадов физкультурников», помнившие масленичные гуляния царских времен, когда улицы и площади бывали заставлены столами со всяческой снедью…

Собственно говоря, число таких памятливых граждан сильно сократилось стараниями «освободителей». Если в 1917 году население России (в границах 1937 года) составило 141,7 миллиона человек, то по переписи 28 августа 1928 года обнаружилось лишь 131,6.

Что касается цвета нации, проживавшего в городах, то его выпалывание приобрело еще более впечатляющее масштабы. Если в 1917 году городское население России составляло 21,7 %, то в 1920 – 14,7 %, Дореволюционный уровень был восстановлен лишь в в 1932 году.

Помимо массового геноцида русского народа, осуществлявшегося силами интернациональных формирований ВЧК, помимо организованного голода, действовали, по-видимому, и чисто психологические факторы: не видя просвета в будущем, люди опасались рожать детей, и только умирать в таком настоящем оказывалось самым безопасным делом. По данным «Известий», смертность и рождаемость в Петрограде были таковы:

	смертность	рождаемость
1911	25	29,4
1919	74,9	13

По вине большевиков, изъявших в ходе так называемой продразверстки даже семенной хлеб, в 1921 году в Поволжье умерло более трех миллионов русских крестьян. Невозможно сопоставлять действия красных властей и царской администрации, которая неоднократно сталкивалась с проблемами, порожденными засухой и недородом. Последнее из таких стихийных бедствий, постигших страну в 1911 году (то же Поволжье и Приуралье), показало эффективность «прогнившего режима».

Существовавшее в ту пору Управление сельско-продовольственной части (в составе Министерства внутренних дел) представляло собой мощный и гибкий аппарат. Действовавшие по его указаниям представители в местностях, пораженных недородом, закупали огромное количество зерна и семян в благополучных губерниях, приобретали сено и жмыхи. Все это по особому экстренному расписанию доставлялось по железной дороге и водным путям. От Омска на Тюмень, от Челябинска на Троицк срочно прокладывались необходимые железнодорожные ветки. Шла усиленная закупка лошадей для транспортировки продовольствия. В пострадавших губерниях все местные власти были мобилизованы для раздачи населению продовольственных пайков, продажи семян по заготовительным ценам, устройством общественных работ (сооружение мостов, строительство дорог, выкапывание прудов и т. п.), благодаря которым население могло заработать на улучшение расстроенного неурожаем хозяйства.

Вся работа Управления находилась под личным контролем императора, которой требовал регулярно представлять подробнейшие доклады о положении дел в пострадавших губерниях.

Результат: ни заболевших, ни истощенных, ни, тем более, умерших.

Русские рабочие

Но именно действия царской администрации были излюбленной мишенью для выпадов «народолюбцев». Один из таких обличителей всего и вся, выпестованных в демократических гостиных, горько сетовал всего через несколько лет после крушения «антинародного режима»: «Я, как и все, приходил раньше в ярость при виде чиновничьей деятельности, но, когда увидел я близко деятельность новых чиновников от революции (Февральской – С. П.), затопивших страну потопом безграмотных бумаг, поднявших цену на хлеб прямо до сказочных размеров, сломавших все и вся, те, старые чиновники стали мне казаться буквально светлым сонмом каких-то мудрецов».

А ведь проницательных людей хватало во все предреволюционные десятилетия. Тот же Дмитрий Иванович Менделеев еще в 1906 году предвидел все, что заставило многих «прогрессивных» интеллигентов чесать затылки, когда было поздно что-либо изменить. Академик писал: «… немало у нас лиц, которые полагают, что число «служащих» у нас очень велико, тогда как оно, в сущности, очень мало, и если бы, чего не дай Бог, в каком-нибудь виде осуществились где-нибудь утопии социалистов и коммунистов, то число одних тех, которые будут распределять работы, сгонять на них и наблюдать за ними, равно как и за общими порядками, стало бы наверное во много, много раз превосходить число современных «служащих». Когда я был в последнее время (ноябрь 1905 г.) в Лондоне, куда ездил вместе с

дочерью, в первый раз бывшею за границей, то она была с первого же дня поражена количеством полицейских, везде в Лондоне имеющихся, даже в каждой комнате Британского музея. А когда я сказал об этом одному из моих лондонских друзей, то он мне сообщил, что недавно в одной газете был сделан подсчет числа полицейских чинов, приходящихся в Лондоне и Петербурге на 1 миллион жителей, и в Лондоне оказалось в десяток раз более, чем в Петербурге».

Царские дети на яхте «Штандарт» (1907 г.)

В этих словах великого химика содержится, кстати, и ответ тем нынешним малосведущим обличителям, которые выводят советскую и постсоветскую всеобщую бюрократизацию из порядков, которые существовали в Российской империи. Впрочем, тому, кто привык во всем и всегда отдавать предпочтение иностранным образцам, никакие авторитеты не указ – он все равно будет верить, что лучше, чем там, ничего не придумаешь.

Как тут не вспомнишь эпизод из истории Государственной Думы. Раз во время ее заседания известный адвокат Плевако заявил: «Довольно русскому народу ходить в детской рубашке, пора ему надеть тогу гражданина!» На это один из лидеров консерваторов Н. Е. Марков заметил: «Тога гражданина прекрасна с виду, но по русскому климату не простудиться бы в столь

легком одеянии. Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок».

Но даже «реакционер» Марков не мог предвидеть, что тога, изготовленная милюковыми и керенскими, окажется погребальным саваном для миллионов и миллионов…

Стоит остановиться на таком вопросе, как народное образование. Ни в одной другой из областей своей деятельности большевики не выставили себе столь высоких очков и ни в чем так не обличали самодержавие, как в стремлении затоптать ростки просвещения. Цифры же и здесь говорят об обратном.

Согласно утвержденному Государственной Думой плану, к 1922 году в стране должно было быть поэтапно введено всеобщее начальное обучение. Поколение, достигшее школьного возраста в 1914 году, дало (на 1000 человек) в городах – 918 грамотных, а в деревне – 710.

А в 1920 году эти показатели снизились соответственно до 347 (в городах) и 171 (в деревне).

Таким образом, первые годы большевистского господства отбросили страну в этом смысле к 1890-м годам. И только к 1930 году был достигнут довоенный уровень. Количественно. А качественно – никогда.

Дело в том, что большевики приступили к планомерному вытеснению из школы наиболее способных людей. Если в царское время даже учитель начальной школы получал жалования 40 рублей в месяц (больше, чем средний заработок промышленного рабочего), а гимназический преподаватель зарабатывал 60 и более рублей, то в советские времена (1925 г.) соотношение изменилось (хотя рабочий не зажил лучше) – при средней зарплате в промышленности 55 рублей (советских!) сельский учитель получал 21 рубль. А кадетские профессора, всего несколько лет назад влагавшие в сердца студентов ненависть к царскому строю, теперь «перевоспитывались» с киркой и лопатой на Соловках…

Кстати, студентам, тоже немало постаравшимся в деле ниспровержения монархии, грех было жаловаться на царя. Таких условий для обучения, которые имелись в те годы в России, не знала ни одна страна. Если в Англии и США плата за обучение составляла от 750 до 1250 долларов в год, то в Российской империи – от 25 до 75. При этом больше половины русских студентов вообще освобождалось от платы, а каждый четвертый получал стипендию. Важно отметить, что все они имели возможность прилично зарабатывать интеллигентным трудом, главным образом, давая уроки или работая гувернерами. Никогда в Империи не было такого положения, чтобы студент

подрабатывал дворником, на фабрике или мойщиком посуды, как это сплошь и рядом происходит в современных странах Запада.

Император Николай II на встрече с учениками московских гимназий (1914 г.)

В завершение беглого очерка о развитии экономики и культуры России в царствование императора Николая II приведу данные о состоянии финансов. Для советского человека, никогда не державшего в руках настоящих денег, трудно было представить, что бумажные купюры той эпохи по первому требованию разменивались в любой сберкассе на золотые десятки и пятерки. Не подозревают об этом и «дорогие россияне», превыше всего ставящие зеленые бумажки с портретами американских президентов…

Именно почтением к русским деньгам объясняется та умильность французских и немецких официантов, с которой они наблюдали за кутежами «широких русских натур». Когда подгулявшие купчики начинала колотить посуду, бить зеркала, ломать стулья, иноземная обслуга знала: в итоге раздастся шелест заветных купюр с изображением дородных русских царей и цариц.

Да и как было не «гулять», когда за спиной каждого такого безобразника стояла впечатляющая мощь русских финансов. Вот цифры:

В 1894 году, при вступлении Николая II на престол, золотой запас страны составил 300 миллионов рублей. В 1914 году он

достиг 1 миллиарда 600 миллионов рублей.

Сумма государственного бюджета за указанный период выросла с 950 миллионов рублей до 3 миллиардов 500 миллионов. И за все это время – несмотря на войну и революцию – государственный бюджет империи не знал дефицита!

Самое удивительное, что такие успехи были достигнуты отнюдь не выжиманием всех соков из населения. Наоборот, в царствование Николая II вообще не взимался подоходный налог. А существовавшие подушное и косвенное налогообложение было самым легким среди развитых стран. Так общая сумма налогов на душу населения составила в 1912 году в России чуть больше 9 рублей, тогда как в Германии почти 23 рубля, а в Англии больше 40.

Рекламный плакат русской промышленной компании (1910 г.)

Надо ли говорить после всего этого, что при столь стабильной экономике Россия занимала последнее место среди цивилизованных стран по уровню самоубийств, по преступности. Куда меньше, чем в государствах Запада, было полицейских и

тюрем. Целые волости годами не видели человека в мундире правоохранительных органов…

В таком положении передал император Николай II свою страну тем «любимцам общественности», которым не терпелось примерить тогу гражданина на русского мужика, на замызганного кочевника, высшим блаженством почитающего обглодать баранью голову. Результат не замедлил себя ждать. Видный деятель партии социалистов-революционеров, занимавший пост секретаря горе-премьера Керенского, писал через несколько лет после эксперимента демократических «модельеров»: «Россия превратилась в «клоаку преступности». Население ее в сильной степени деградировало в моральном отношении. Особенно значительная деградация в молодом поколении. Таковы дальнейшие «завоевания» войны и революции. Фактов для подтверждения сказанного имеется, увы, в вполне достаточной мере.

Первой категорией подтверждений служат явления: террора, диких разнузданных разрушительных действий индивидов и масс, колоссальный подъем зверства, садизма и жестокости взаимных убийств и насилий. Из подобных явлений создается и состоит так называемая гражданская война. Не-убийца – стал убийцей, гуманист – насильником и грабителем, добродушный обыватель – жестоким зверем.

В мирное время все эти явления не имели места и не могли его иметь. Простое убийство вызывало отвращение. Палач – омерзение. Психика и поведение людей органически отталкивались от таких деяний[…] Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание отупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась на жизнь не только близких, но и своих. Преступления для значительной части населения стали «предрассудками». Нормы права и нравственности – «идеологией буржуазии». «Все позволено», лишь бы было удобно – вот принцип смердяковщины, который стал управлять поведением многих и многих» (Питирим Сорокин. «Современное состояние России», 1924).

Излишним кажется говорить об экономической пропасти, в которую скатилась страна в результате большевистского переворота. Трудно было бы представить иное после описанной видным социалистом деградации человека. Разграбление десятков тысяч усадеб, монастырей, церквей, веками бывших очагами культуры; бессудные расстрелы бесчисленных заложников; захват собственности миллионов граждан – все эти деяния, в которые преступной кликой были обдуманно вовлечены миллионные массы, обусловили духовное оскудение и

измельчание нескольких поколений народа, еще недавно рождавшего гигантов мысли, властителей дум всего человечества.

Пути роковые

В мае 1923 года Дэвид Ллойд-Джордж, незадолго перед тем оставивший пост премьер-министра Великобритании, выступил в Эдинбурге с речью, посвященной итогам Первой мировой войны: «Если бы какой-нибудь человек, отправившийся прекрасным июльским утром 1914 года в морское плавание и имевший несчастье потерпеть кораблекрушение у берегов необитаемого острова, вернулся в цивилизованный мир неделю тому назад, перемены, найденные им в Европе, могли бы внушить ему мысль, будто долгое одиночество довело его до умственного расстройства. Все окружающее показалось бы ему сном. Он помнил бы Германскую империю с ее августейшим главой, облеченным почти самодержавной властью, и с населением, стремящимся гигантскими шагами к процветанию и богатству, империю, обладавшую несравненной армией, чья поступь ужасала Европу; флотом, заставлявшим опасаться вторжения в Англию; и обширными владениями за морем. Теперь, вместо самоуверенной, могущественной и дерзкой империи, он увидел бы робкую, пугливую и вечно извиняющуюся республику, возглавляемую уважаемым, интеллигентным рабочим. Министры этой республики посылают дипломатические ноты с целью умилостивить Бельгию и получают их обратно, словно отсталый школьник, вынужденный переписывать свои жалкие упражнения по указке учителя; великая армия низведена до половинных размеров сербской армии; грозный флот покоится на дне моря; по берегам Рейна стоят на страже французские, британские и бельгийские солдаты. Он увидел бы мастерские Круппа, занятые французами. Германия не сохранила ни одной из своих колоний.

Россию наш путешественник помнил бы как могущественную автократию, покоющуюся на суеверном убеждении крестьянства в святости царского помазания. Он увидел бы теперь революционную страну, управляемую вчерашними изгнанниками и отверженную всем миром за резкость своих коммунистических учений. Царизм, со своей позолоченной свитой осужден страшным приговором, и скипетр Петра Великого служит для проведения доктрин Карла Маркса».

Впечатляющая картина, изображенная Ллойд-Джорджем, рисовалась воображению проницательных политиков во многих столицах Европы уже задолго до роковых выстрелов в Сараево, унесших жизнь наследника австро-венгерского престола. Только одних эта картина ужасала, других, напротив, вдохновляла. Среди первых был П. Н. Дурново, член Государственного Совета,

который был министром внутренних дел в самые тяжелые дни 1905–1906 годов. В феврале 1914 года он писал в докладной записке императору: «Война с Германией – безумие! В побежденной стране вспыхнет революция. За многолетнее дружное соседское сожительство двух народов (русского и германского) образовались столь многообразные мощные каналы и связи, соединяющие оба государства, что революция в стране побежденной обязательно передастся в страну-победительницу». А лидер правых в Государственной Думе Н. Е. Марков заявил за два месяца до начала войны: «Маленький союз с Германией лучше большой дружбы с Англией».

И все же, после 160 лет мирных отношений с Германией (участие России в Семилетней вой не середины XVIII века было единственным случаем вооруженного противостояния между странами) две империи влекла к роковому рубежу какая-то неодолимая сила.

Часто приходится слышать обвинения в адрес царя, что он пошел на поводу у союзников и ввязался в авантюру, не сулившую успеха, ставшую причиной крушения династии и распада империи. Но правомерно ли представлять себе исторический процесс, как поле деятельности могущественных персонажей, по своему произволу направляющих ход событий? На самом деле, любой правитель и сегодня и в прежние эпохи всегда стеснен в своих действиях тысячами нитей взаимовлияний, которые делают его подобием Гулливера, оплетенного путами лилипутов. К тому же, большая часть этих пут невидима и порвать их куда сложнее, чем те видимые взаимосвязи, из которых складывается ткань межгосударственных отношений.

Император Николай II был твердо убежден, что множество событий в мире, по видимости не связанных между собой, объединяет причастность к ним тайного общества, давно поставившего своей целью сокрушение христианского мира. Такое мнение было широко распространено в Европе в конце XIX века, его поддерживал и К. П. Победоносцев, долгие годы являвшийся чем-то вроде главного идеолога Российской империи (при всей приблизительности подобного уподобления).

Летом 1905 года, в условиях нараставшей смуты, император как-то сказал сопровождавшему его в поездке флигель-адьютанту князю Орлову, что главной движущей силой революции является масонство. Такого же мнения придерживался он и после своего свержения в феврале 1917 года.

Часто сторонников подобной трактовки событий той эпохи то клеймят как реакционеров, то высмеивают как сторонников «теории заговора». Но мы не можем обойти молчанием вопрос о

масонстве хотя бы потому, что герой этой книги придавал ему столь существенное значение. Это обязывает нас попытаться увидеть тревожившее его явление в том масштабе, который придавал ему сам император…

Приходится слышать и читать, что масонство всегда играло исключительно прогрессивную роль. Хотя такое представление оспаривается и в Европе, и в Америке, нет необходимости примыкать к той или иной стороне в этом споре, имеющем долгую историю. Но о русском масонстве мы обязаны высказаться с полной определенностью. Об отечественной ветви братства «вольных каменщиков» можно судить по той неразборчивости, с которой в ложи принимались представители самых оголтелых террористических группировок вроде Бориса Савинкова. По страному совпадению, председателем Совета министров первого состава Временного правительства оказался Великий Мастер Всероссийской ложи князь Г. Е. Львов, да и его преемник А. Ф. Керенский, видимо, опять-таки по случайному стечению обстоятельств, был членом той же ложи. Более того, и основные министры Временного правительства числились в списках тайного братства.

На смену этой недолго правившей команде явились брат 31-й степени посвящения В. И. Ульянов (Ленин), состоявший во французской ложе «Art et travail», и брат 33 степени посвящения Л. Д. Бронштейн (Троцкий) (та же ложа, а также «Misraim Memphis»). Впрочем, при желании можно согласиться с утверждениями о том, что русская эмигрантская пресса публиковала такие сведения из желания бросить тень на прогрессивных деятелей, которые наряду с будущими палачами состояли членами тайного ордена: на бывших царских министров иностранных дел Извольского и Сазонова, убежденных стронников Антанты, на вождя украинского народа Симона Петлюру, на лидера партии «октябристов» Александра Гучкова, на подельника террориста Александра Ульянова Юзефа Пилсудского, ставшего диктатором Польши. Но как тогда быть со свидетельством Уинстона Черчилля? «Со времен Спартака-Вейсхаупта и до Карла Маркса и далее до Троцкого (Россия), Белы Куна (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Голдман (США) этот мировой заговор с целью свержения цивилизации и нового устройства мира на основе отрицания естественного развития, завистливого неблагожелательства и недостижимого равенства неуклонно разростался. Он играл, как убедительно показал современный писатель Вебстер, очевидную роль в трагедии Французской революции. Он был основной пружиной любого подрывного движения в течение

девятнадцатого века, а сейчас наконец-то эта шайка странных личностей из подполья европейских и американских городов схватила руских людей за вихры и стала практически непререкаемыми хозяевами этой огромной империи». (Illustrated Sunday Herald, 8 February 1920). Сам являясь членом масонского братства, видный британский политик вряд ли стал бы бросаться такими заявлениями.

В таком контексте помещение в списки масонов будущего организатора цареубийства Я. Свердлова, ближайших сподвижников Ульянова-Ленина Г. Зиновьева (Апфельбаума) и К. Радека (Собельсона) кажется вполне естественным и к своего рода историческому «черному пиару» отношения не имеет.

Имеет смысл предположить, что главе Российского государства было известно больше, чем широкой общественности, и хотя бы часть той информации, что просочилась в печать позднее, была у него на столе задолго до начала штурма самодержавия. Но даже он был в неведении относительно тайных пружин некоторых событий, послуживших детонаторами великих потрясений. На судьбоносном повороте истории, когда решалось будущее династии и всей империи, роль масонского ордена оказалась чрезвычайно важной, хотя тогда никем не примеченной. Позднее всплыли некоторые факты, подтверждающие справедливость опасений Николая II…

Организатором убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда был руководитель тайного общества «Млада Босна» Владимир Гачинович. Незадолго до покушения он побывал в Швейцарии, где встретился с Троцким и Луначарским (впоследствии красным наркомом просвещения), а также Виктором Черновым, руководителем партии социалистов-революционеров. А в преддверии нападения своих подручных на престолонаследника в Сараево он поставил их в известность о том, что масонство приговорило Франца-Фердинанда к смерти.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена убитые в Сараево

Если принять все это во внимание, можно понять, как непросто было императору Николаю II принимать решения грозовым летом 1914 года. Какие-то подозрения у него должны были существовать. Ведь известно, что бывший руководитель русской заграничной агентуры Л. А. Ратаев по заданию департамента полиции занялся в 1915–1916 годах в Швейцарии сбором сведений по масонству. Разумеется, если бы император уже летом 1914 года располагал информацией которая – и то отчасти – доступна нам[5], то Россия вряд ли втянулась бы в войну из-за сараевской провокации.

В высших правительственных сферах империи разгорелась борьба между сторонниками выступления России в союзе с Францией и Англией, к чему обязывали тайные соглашения с этими странами, и теми, кто желал нейтралитета. По странному совпадению первых (среди них главную роль играл министр иностранных дел Сазонов) энергично поддерживала та часть

Государственной Думы, которая больше всего стремилась к изменению государственного строя империи. Октябристско-кадетское большинство с восторгом встретило известие об объявлении войны[6]. Мнимо-патриотический гвалт печати сбил с толку широкие массы народа, которые демонстрировали в августовские дни 1914 года поддержку Государю и армии.

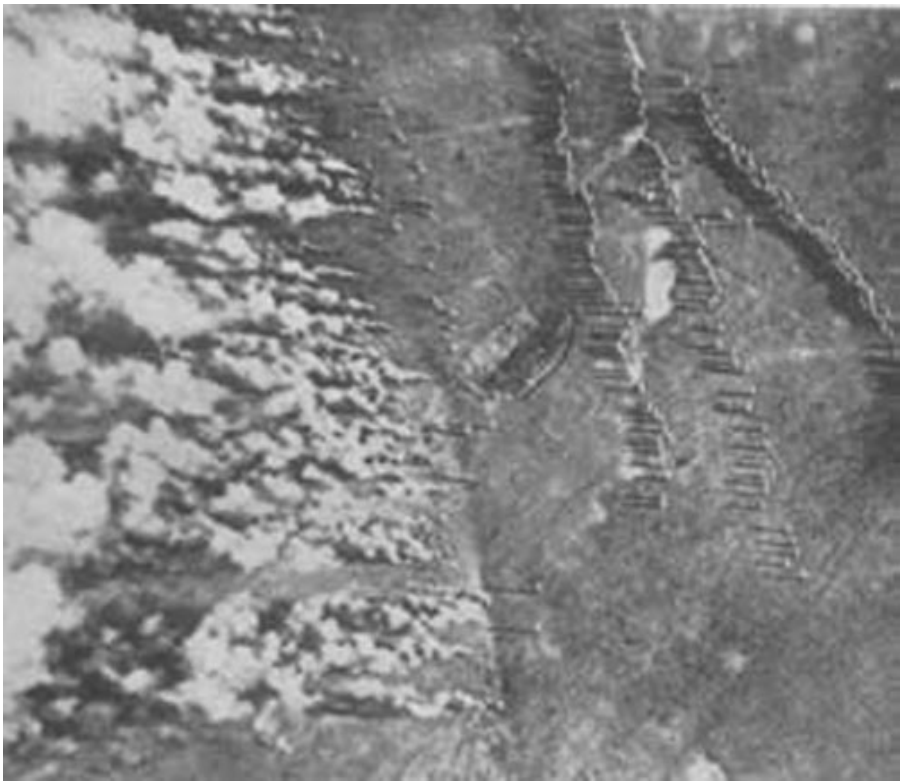
Как бы то ни было, назад идти было невозможно. Кайзеровская Германия несет гораздо большую ответственность за войну, ибо все годы, предшествовавшие столкновению, вела эгоистичную политику, больно задевавшую самолюбие России. Ллойд-Джордж в уже цитированной речи предельно кратко сформулировал психологические предпосылки того размежевания между родственными империями, которое произошло в июле 1914 года: «Что создало последнюю войну? Международные несогласия, соперничество и подозрительность. Несогласия основывались на вековой племенной вражде, подбодряемой воспоминаниями о недавних обидах. Кельт и тевтон ненавидели один другого; славянин и тевтон взаимно подозревали друг друга; ненависть славянина к тевтону увеличилась благодаря той наглости, с какой Германия унижала Россию в минуту ее слабости тотчас же после японской войны, когда Россия была особо чувствительна к оскорблениям. Вы помните грубость и дерзость ее образа действий в вопросе об аннексии Боснии, а дерзость всегда испытывается нами более мучительно, нежели простая несправедливость, и дольше дает себя чувствовать. Дерзость пронзает тело народов и зажигает у них в душе пожар гнева».

Разрушенный немцами Брест-Литовск

Таким образом, объявление Германией войны России было закономерным итогом недальновидных действий кайзера в течение ряда лет. Николай II только принял вызов Вильгельма II, сам он не искал столкновения. Как вождь своей страны, как человек император сделал выбор и оставался верен союзникам до последнего дня царствования. С началом великой битвы он предпринял все для воцарения внутреннего спокойствия и мира: не было ни репрессий в отношении политических противников, ни чрезвычайного законодательства, осложнившего бы деятельность общественных организаций. А ведь под предлогом укрепления тыла царю ничего не стоило бы приостановить действие конституции и распустить Думу, закрыть неугодные газеты, выслать наиболее рьяных оппозиционеров. Но будучи благородным человеком, он полагался на благородство других: если лидеры общественности заявляют о единении с правительством во имя победы, значит надо верить им на слово, как водится между порядочными людьми.

Царь Николай II, Георг V и король Бельгии Альберт I. (1914 г.) Примечательно внешнее сходство Николая II Георга V, бывших двоюродными братьями

Но истинные намерения «демократов» были далеки от забот об укреплении национального единства. Военные трудности представлялись им желанным условием для расшатывания доверия к верховной власти. И, воспользовавшись первыми же неудачами на фронте, они принялись фабриковать слухи и газетные утки о действиях неких изменников, германских агентов при Дворе, об ужасающей неподготовленности армии к войне…



Газовая атака на Восточном фронте, Первая мировая война (1915 г.). В 1915 году против русских войск Германия произвела 3 газовые атаки, в результате которых погибло 25 000 человек.

Не принималось во внимание и то, что несмотря на некоторые потери на германском фронте, русская армия сумела нанести чувствительное поражение австриякам, от которого они уже не оправились до конца войны. Под контроль русских войск перешла огромная территория Западной Украины и Прикарпатья. На турецком фронте успехи были не менее впечатляющие – откатившись на сотни километров, армия Оттоманской империи едва сумела закрепиться на оборонительных позициях и до самого конца войны не помышляла об активных действиях.

Как бы ни драматизировали обстановку в стране с думской трибуны и со страниц газет, все обстояло достаточно благополучно. Даже продовольственные карточки не вводились в России – в отличие от Германии и Австро-Венгрии. Тем не менее, недавние «патриоты» только и голосили о головотяпстве администрации. И мало по малу патриотический подъем, воцарившийся в обществе с началом войны, стал иссякать, а затем и вовсе сменился привычным брюзжания обывателя по поводу всякого действия правительства. Зато намеки газет на то,

что было бы, если б за дело взялись люди, «облеченные доверием общества», воспринимались как истина, не подлежащая обсуждению. И все ближе, ближе становилось то время, когда одурманенная общественность очнется среди жуткого похмелья…

Летом 1915 года, убедившись, что руководство армией со стороны Великого князя Николая Николаевича (дяди царя) малоэффективно, император решил принять на себя обязанности главнокомандующего. После крупного отступления, когда немцам была сдана часть Польши и Литвы, Николай II перевел Великого князя на Кавказский фронт, а сам отбыл из Петербурга в Могилев, где находилась ставка главного командования.

Думские либералы немедленно разразились стенаниями по поводу некомпетентности монарха. Армии предсказывали новые беды. И в то же время, пользуясь отсутствием государя в столице, начали раздувать слухи о невероятном могуществе Распутина, который будто бы способен менять министров как перчатки.

Как только руководимая великим князем Николаем Николаевичем армия начала терпеть поражения, главнокомандующий и близкие к нему думские круги принялись искать козлов отпущения. Активизировались поиски германских агентов. В такой атмосфере весной 1915 года было сфабриковано дело полковника Мясоедова, некогда служившего на границе между Россией и Германией, а затем возглавлявшего русскую военную контрразведку. Обвиненному в шпионаже офицеру даже не дали возможности прибегнуть к услугам адвоката, но в спешном порядке приговорили к смерти и немедленно казнили по указанию Николая Николаевича. Хотя голословность обвинений, отсутствие каких-либо фактов, уличающих Мясоедова в измене, были очевидны, «демократическая» печать била в литавры и даже впоследствии, когда выяснилась невиновность полковника, никто из организаторов судилища наказания не понес – главное было сделано, ядовитые семена шпиономании посеяны.

Николай II, министр двора и уделов граф В. Б. Фредерикс (в центре) и великий князь Николай Николаевич (справа) в Ставке. Сентябрь 1914 г.

И вот уже не в столице, а в глухих деревнях, куда пришли на побывку солдаты с фронта, с многозначительными оглядками рассказывали:

«На Кавказ повезли морем мильон солдат с немецкого фронта, а корабь утоп, а солдаты все потонули. Нашего брата уничтожают баре, чтоб им просторней было. Сами все об том в газете читали».

Или такое слышалось:

«Иду я на позиции. Вижу: хата стоит, в хате огонь горит. Думаю – зайти на огонек; подошел, глянул в окошко: четыре генерала сидят – два наших, два немецких. Слышу: наши генералы русский фронт немцам продают. Только дорого просят, а немцы торгуются. Вскочил я тогда и убил всех генералов, а за это мне от царя крест даден, я Расею спас».

И того страшнее слухи ползли:

«Из Питера по приказу царицы в Германию подземный ход сделан, и отправляют немцам хлеб, мясо, винтовки и снаряды, и вот поэтому у нас винтовок не хватает».

Что мог противопоставить правительственный аппарат такой беспардонной пропаганде (а то, что не от простых солдат все это шло, сомневаться не приходится)?

Несмотря на то, что с приходом царя в Ставку дела на фронте явно пошли лучше, брюзжание прессы и думских демагогов не прекращалось. Даже знаменитый Брусиловский прорыв 1916 года, когда армия поставила Австро-Венгрию на грань поражения, захватив огромную территорию и почти полмиллиона пленных, даже этот грандиозный успех не вызвал энтузиазма у оппозиционеров. Их скорее обескураживало то, что народ спокоен и не проявляет желания пойти за идеологами смуты. О том, какое впечатление производила Россия за несколько месяцев до февральского переворота, мы можем судить по мемуарам графа Оттокара Чернина, высланного из Румынии посланника Австро-Венгрии. После объявления Румынией войны Центральным державам правительство России в сентябре 1916 года согласилось предоставить персоналу миссии возможность проехать через свою территорию по пути на родину.

«Путешествие через неприятельскую страну было весьма любопытно. В то время как раз шли кровопролитные бои в Галиции, и нам и днем и ночью встречались беспрерывные поезда, или везущие на фронт веселых, смеющихся солдат, или оттуда – бледных, перевязанных, стонущих раненых.

Население всюду встречало нас удивительно приветливо, и здесь мы не замечали и следа той ненависти, которую мы испытали на себе в Румынии. Все, что мы видели, проявляло себя под знаком железного порядка и строжайшей дисциплины. Никто из нас не верил в возможность того, что эта страна находится накануне революции, и, когда по моем возвращении император Франц-Иосиф спросил меня, достал ли я какие-нибудь данные об ожидающейся революции, я ответил решительно отрицательно» (О. Чернин. В дни мировой войны. М-Пг, 1923)

На передовой

Свидетельство, принадлежащее опытному государственному деятелю[7], не стоит сбрасывать со счетов. Оно как раз может служить косвенным подтверждением того, что переворот в России носил верхушечный характер, стал результатом заговора.

Его подготовка имела не только организационное измерение. Кампания очернения династии, целью которой было парализовать структуры, близкие ко двору, все больше отравляла атмосферу. Распутинский миф, разрастаясь как снежный ком, подминал любые ростки доверия к власти. Один за другим исчезали с политической арены дискредитированные сановники – министр внутренних дел Н. А. Маклаков, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, военный министр В. А. Сухомлинов. Скудели людьми ряды сторонников монархии, зато все наглее и безнаказаннее действовали «любимцы публики» вроде Милюкова.

1 ноября 1916 года этот лидер кадетской партии вышел на трибуну Государственной Думы с тем, чтобы подать сигнал к решающей атаке на императорское правительство. Он обвинил без всяких доказательств премьера Б. В. Штюрмера и группу лиц, близких к царице Александре Федоровне в симпатиях к Германии и предательстве. Каждый свой выпад Милюков сопровождал рефреном: «Что это, глупость или измена?». И возбужденный зал всякий раз отвечал: «Измена».

Христос воскресе, 1916 г., Пасха, Первая мировая война

Поразительно сходство приемов в борьбе с монархией, употреблявшихся во Франции конца XVIII века и в России начала XX века. Марию-Антуанетту, супругу Людовика XVI, тоже поносили как агента иностранной державы (она была австриячкой), у черни такая пропаганда имела неизменный успех. Революционное неистовство продолжало преследовать несчастную женщину и после свержения монархии. Предав королеву “суду народа”, ее обвинили во всех мыслимых грехах и преступлениях. Обвинительный акт гласил: «Мария-Антуанетта, вдова Людовика Капета, со времени прибытия своего во Францию была бичом и кровопийцей нашего отечества и перед началом революции находилась в сношениях с человеком, носящим титул короля Богемского и Венгерского; сношения эти, как оказывается, были направлены против интересов Франции. Кроме того, она вместе с братьями Людовика Капета и бесчестным, гнусным Калоннем, бывшим тогда министром финансов, немилосердно растрачивала финансы Франции (плоды народных трудов в поте лица), для содержания агентов преступных интриг. Доказано, что она в разное время пересылала императору миллионы денег, употребленных и до сих пор еще употребляемых на поддержание войны против нашей Республики. Благодаря этим необычайным издержкам национальное казначейство так бедно в настоящее время деньгами».

Едва не теми же самыми словами чернили и Александру Федоровну, приписывая ей невероятное могущество под стать Марии-Антуанетте.

Немедленно после клеветнического выступления Милюкова по Петрограду стал распространяться его текст, отпечатанные листовки пошли и по провинции. Самое удивительное, что никаких последствий для автора измышлений не последовало. По-видимому, при дворе просто решили не делать ему дополнительной рекламы.

Парадоксально то, что, несмотря на естественные тяготы войны, в стране царила стабильность. Узкий слой людей близких к власти всеми силами старался поколебать ее основы. В то время, как в союзных с Россией государствах демократические правители были наделены диктаторскими полномочиями (Ллойд-Джордж в Великобритании и Пуанкаре во Франции), думские «патриоты» наносили своему правительству один удар в спину за другим.

Позднее в эмиграции Милюков раскрыл подоплеку своего подлого выступления 1 ноября 1916 года: «Мы знали, что весной предстояли победы русской армии. В таком случае престиж и обаяние царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность».

«Гавань была уже на виду…»

К началу 1917 года русская военная промышленность работала на полные обороты, обеспечив армию всем необходимым. Быстро росли арсеналы вооружений и боеприпасов, пополнялись склады обмундирования и продовольствия, призванные обеспечить победоносную кампанию и завершение войны уже в наступающем году. Прогнозы военных специалистов и политиков всех стран сходились в том, что такая перспектива стала реальной.

Что означала бы победа для России? Помимо установления политической стабильности, она дала бы мощный толчок росту экономического могущества и процветания народа, ибо за годы войны произошел значительный прогресс в освоении новых производств; моторо– и авиастроение, радиопромышленность и химия, переведенные на мирные рельсы, позволили бы, как произошло это в странах-победительницах, изменить лицо индустрии и сельского хозяйства. Прошедшие через армейскую службу миллионы крестьян обучились грамоте, и это тоже стало бы дополнительным фактором подъема деревни.

Обещанные по соглашению с союзниками территориальные приобретения России – в первую очередь, Константинополь с прилегающими к нему проливами, обеспечили бы беспошлинный выход к мировым торговым путям, чего жаждало сельское хозяйство страны, работавшее на экспорт.

Но многомиллионная масса войск, стынущих в окопах на тысячеверстных пространствах от Балтики до Черного моря, уже была далеко не той монолитной силой, которая выступила летом 1914 года против враждебных империй. Мало по мало лучшие кадры оказались перемолоты в мясорубке войны, и на место опытных офицеров пришли вчерашние студенты, если не с молоком матери, то с сивухой передовиц кадетской и социалистической печати всосавшие оппозиционность ко всяким властям. Жесткий армейский порядок постепенно подтачивали задушевные беседы с солдатами таких «народолюбцев», а то и сознательные подстрекательские измышления об измене, о Распутине и т. п.

Еще тревожнее обстояло дело в частях, расквартированных в Петрограде. Здесь скопилось огромное число необстрелянных солдат и едва оперившихся офицеров, которые вовсе не рвались на фронт. Среди таких воителей всякого рода подрывная литература имела большое хождение. Понятия дисциплины были усвоены весьма слабо – и это подтвердили события февраля 1917

года. В последовавшие за переворотом дни петроградские части совершенно разложились. Очевидец писал: «Уже в конце марта в Петрограде трудно было найти стоящих на часах солдат: все часовые сидели на стульях и табуретах, а около них стояли прислоненные к стене винтовки. К этому надо добавить, что сидя на посту, солдат никогда не забывал запастись семечками и папиросами».

Император Николай II с цесаревичем Алексеем (1915 г.)

Появление таких горе-солдат в столице стало возможным потому, что император приказал гвардейским частям занять позиции на фронте. И здесь он поступил согласно присущим ему понятиям благородства: если страна сражается, лучшие войска не должны отъедаться в тылу, охраняя особу самодержца и его семью, их место на переднем крае. Впоследствии это решение ставилось в вину Николаю II. Но можно ли винить государя в том, что он считал своих соотечественников лучше, чем они оказались на деле? Ведь это был человек той культуры, которая воспитывала в каждом понятие святости и нерушимости данного слова. И царь был спокоен за тыл – ведь «народные избранники» поклялись в священном единении с правительством ради достижения победы.

После удач летней кампании 1916 года, с наступлением непогоды и холодов война приобрела позиционный характер. Безделье – не лучшая школа стойкости для вооруженных масс людей. Такие радостные вести, как скандал в Думе с

выступлением Милюкова – желанное развлечение для новоиспеченных господ офицеров. «Благородия» и с солдатиками готовы поделиться новостями. Когда 16 декабря 1916 года группа заговорщиков убила Григория Распутина, это стало поводом для новой волны слухов, порочащих династию.

Потрясенный этим преступлением, император отбыл из Ставки в Петроград. Активных боевых действий по всей линии фронта не было, и царь отпустил в долговременный отпуск начальника штаба генерала М. Алексеева. В отсутствие их обоих руководство войсками осуществлял генерал В. Гурко.

Продолжительное пребывание Николая II в столице завершилось 22 февраля 1917 года. Все это время обстановка и в тылу и на фронте была спокойной, и поэтому то, что с отбытием государя в Ставку в столице немедленно начались массовые беспорядки, невольно озадачивает: создается впечатление, что кто-то выжидал, пока император уедет и управление столицей окажется в руках безвольного истерика А. Протопопова, незадолго перед тем принявшего пост министра внутренних дел. Этот деятель партии октябристов, несколько лет занимавший должность товарища председателя Государственной Думы, сыграл роковую роль в судьбе страны и династии. Назначая его, царь полагал, что тем самым умиротворит оппозицию, хотя и понимал ничтожество нового министра. Возможно, он задумал какую-то политическую комбинацию, в которой Протопопов должен был сыграть служебную роль: дискредитировать саму мысль о дальнейшем выдвижении в состав правительства «лиц, облеченных доверием общества». Но время для таких маневров было упущено.

Весь январь и февраль в думских фракциях, в Военно-промышленном комитете, салонах элиты зрели планы заговоров с целью свержения монарха и захвата власти. Рассматривались и варианты террористического акта против царской семьи, и военного путча. Одновременно росли продовольственные затруднения в столице. Хотя неоднократные проверки властей удостоверяли факт того, что запасы муки и других продуктов вполне достаточны. Вопрос о саботаже тогда никому и в голову не приходил, такого Россия никогда не знала.

Как бы то ни было, в тот же день 23 февраля, когда царь прибыл в Ставку, в столице начались забастовки из-за недостачи хлеба. Генерал С. Хабалов, командующий войсками Петроградского военного округа, немедленно заявил в обращении к населению, что хлеба в достатке, и поставил абсолютно точный диагноз происходящего: «Волнения вызваны провокацией». Но противник, судя по всему, подготовился на этот раз как никогда

хорошо. Еще не были забыты миллионы листовок с ноябрьской речью Милюкова, а народ уже распалялся от новых панических слухов, наводнивших в одночасье столицу.

Через четыре дня после начала хлебного бунта власть рухнула. Трудно представить себе, что думал император в те роковые 100 часов, когда из Петрограда сплошным потоком шли телеграфные депеши о нарастающем кризисе. Возможно, сама неожиданность этого обвала забастовок и уличных шествий могла породить у него недооценку событий. Уехать из сонного, как бы замерзшего тылового Петрограда, и через час по выходе из поезда получить известие о массовых беспорядках?.. Быть может, царь со свойственным ему хладнокровием какое-то время пытался определить: не продиктованы ли эти сбивчивые донесения обычным паникерством?

Только к исходу вторых суток он телеграфировал Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Но из-за ошибок, допущенных политическими и военными руководителями, отвечавшими за охрану порядка в городе, был утрачен контроль над ситуацией…

2 марта члены Государственной Думы А. Гучков и В. Шульгин прибыли в Псков, где находился поезд царя. Здесь, в расположении штаба Северного фронта император и его свита оказались после того, как им не удалось пробиться в Петроград – железные дороги были перекрыты!

Депутаты, уполномоченные Думой добиваться отречения императора от престола, привезли заготовленный проект манифеста. Царь отредактировал текст: вместо отречения в пользу сына, он назвал своим преемником брата Михаила Александровича, популярного в армии. Решению предшествовал телеграфный обмен мнениями между начальником штаба Ставки генералом Алексеевым и командующими пяти фронтов и двух флотов. Все, кроме адмирала Колчака, ответили утвердительно на запрос о желательности отречения государя в пользу сына.

В этот день император записал в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман». Генералы, под командованием которых находились двенадцать миллионов солдат, пальцем не пошевелили ради спасения государя, на верность которому принесли присягу. Загадка? Нет, логический итог предшествовавшего развития событий.

Двухлетняя закулисная деятельность Прогрессивного блока в Думе, сколоченного из представителей разных партий, имела целью, как выяснилось, не только сплочение тыловой оппозиции. Возведенная политическая постройка имела еще один невидимый

этаж, и он был гораздо обширнее видимых структур. Не только партии, земские общества, союзы промышленников и организации рабочих имели свои соты в подпольном лабиринте. Высшее командование армии также оказалось причастно к невидимой деятельности, кипевшей на этом этаже. Князь Г. Львов, возглавлявший гуманитарную помощь в тылу, и совмещавший ее с руководством всероссийской масонской ложей, оказался в неожиданно близких отношениях к генералу М. Алексееву, устроившему телеграфный референдум, и к генералам А. Брусилову и Н. Рузскому, отбарабанившим согласие на отречение…

По сообщению монархического журнала «Луч света», издававшегося русскими эмигрантами, генерала Рузского приметили в парижской ложе «Космос». Но такое свидетельство могут посчитать слишком пристрастным. Поэтому предоставим слово поэту, далекому и от политики вообще, и от консервативных политических деятелей в частности – Андрею Белому. В своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» он ссылался на некую Минцлову, которая задолго до мировой войны стала объектом внимания масонов-мартинистов: «менялись, являлись откуда-то наблюдающие за нею «шпики», появлялись какие-то темные оккультические «татары», и появлялись: не одобрявшие ее деятельность мартинисты, расширившие-де влияние среди избранного петербургского общества и среди иерархов; мне помнится, как она сообщала, что будто бы она имела беседу с одним из великих князей, мартинистом, что будто бы этот последний поставил вопрос, как нам быть с нашей родиной и что делать с царем Николаем Вторым».

Кто был этот Великий князь – может быть, Николай Николаевич, отбивший 1 марта 1917 года телеграмму с Кавказа о согласии на отречение? Или то был другой член императорской фамилии – Дмитрий Павлович, соучастник убийства Распутина? Про него точно известно: был членом ложи. А, может быть, с Минцловой откровенничал Кирилл Владимирович, который в первые дни начавшейся смуты заявил интервьюеру «Биржевых ведомостей»: «даже я, как великий князь, разве я не испытывал гнет старого режима?.. Разве я скрыл перед народом свои глубокие верования, разве я пошел против народа? Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошел в Государственную Думу, этот храм народный… смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободно в свободной России и мне… впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья»…

И опять целый букет странных совпадений: с проектом

манифеста об отречении прибыл во Псков масон Гучков, ставший через несколько дней военным министром Временного правительства. Арестовывать императора 9 марта явился в Царское Село другой «брат» С. Мстиславский (он был автором устава ложи «Великого Востока народов России») – этот действовал по мандату Петроградского Совета. Вот так «классовые враги» дружно гребли в одной лодке.

Макиавелли писал в своем «Государе» о политическом предвидении: «Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет».

Если бы тот недуг, что разъедал высшее сословие России, был замечен императором при его возникновении! Но это произошло задолго до появления на свет Николая II. Уже 25 декабря 1825 года на Сенатской площади Петербурга произошел масонский путч, едва не оборвавший историю династии. После этого император Николай I ввел обязательную для всех государственных служащих подписку о неучастии в тайных обществах. И все же бациллы затаились…

Но дело не только в заговорщиках. За несколько десятилетий произошли глубокие изменения в сознании той части русского общества, которая была обязана своим возникновением и своим благополучием династии, последовательно проводившей курс на модернизацию страны и тесно связанную с ней либерализацию. Выразительный портрет этого слоя набросал в своих мемуарах зять последнего русского императора великий князь Александр Михайлович (он был женат на сестре царя Ксении):

«Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы красная опасность исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразительной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых…

Или ж, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей

аристократических фамилий и придворных знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи.

Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров?

Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте?

Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армий более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?».

Это мнение следовало бы принять во внимание тем, кто с чужих слов продолжает упрекать царя-мученика в отсутствии государственного мышления, недостатке твердости и прочих грехах. Видимо, таких критиков устроила бы личность деспота-вешателя вроде Тамерлана. Это ущербное понимание

решительности и державной мудрости сформировалось в эпоху массовых избиений целых сословий русского народа, организованных кликой Ульянова-Троцкого. Диву даешься, что до сих пор плодятся людишки, толкующие о «величии» этих палачей. До какой степени цинизма можно дойти в ослеплении бездушной идеей!..

В марте 1917 года, впрочем, никто о мягкотелости царя не поминал. Напротив, именовали его «Кровавым», приписывая ему чингисханову жестокость. А наступивший хаос восхваляли как очистительную грозу, после которой наступит царство свободы.

Ликовали не только завсегдатаи либеральных салонов в русской столице. Эйфория охватила и Германию. Император Вильгельм II поздравил войска с «победой»: русский колосс зашатался.

Среди гигантских толп с красными бантами, запрудивших улицы Петрограда, растворились около десяти тысяч уголовников, выпущенных из тюрем – они покажут себя в ближайшие месяцы. Но никто еще не предвидит особых осложнений. Поют. Пляшут. Часами слушают невесть откуда взявшихся ораторов. Пьянящий дух свободы охватил праздные скопища дезертиров и фабричных хулиганов, которые всего несколько дней назад бесновались из-за мнимого отсутствия хлеба. Слухи о голоде вдруг разом прекратились. Булок, бубликов и калачей предостаточно – ешь не хочу…

Ликуют и союзники – как же, наконец-то им не придется краснеть за союз с деспотией! Народные избранники клянутся вести войну до победного конца – что же еще нужно свободолюбивым нациям? Но Вильгельм оказался куда прозорливее: победное для его врага завершение войны становилось отныне лишь миражом[8]. Плоды многолетних жертв России были утрачены в тот самый миг, когда император Николай II поставил свою подпись под актом отречения. Оценивая через несколько лет то, что случилось с Россией, Уинстон Черчилль писал: «Ни к одной из наций рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже на виду, она претерпела бурю, когда наступила гибель».

Впрочем, крушение Российской империи оказалось лишь первым звеном в цепи катастроф, постигших белую христианскую цивилизацию на пике ее развития. В результате мировой войны рухнули Германия, Австро-Венгрия, Оттоманская империя. А те, кто самонадеянно объявил себя победителями, через два десятка лет испили чашу унижения, когда гитлеровский вермахт маршировал по Елисейским полям и выметал с континента остатки деморализованного британского воинства. Минуло еще

несколько лет и европейские колониальные империи расползлись как гнилое одеяло. И это все также можно считать отдаленным результатом Первой мировой войны.

Властитель дум рубежа веков Фридрих Ницше писал:

«Великий Полдень: человек на середине пути от животного к Сверхчеловеку празднует начало заката своего – путь на запад – как наивысшую надежду свою; ибо это есть путь к новому утру.

И тогда благословит себя гибнущий, идущий путем заката, ибо так переходит он к тому, что по ту сторону; и солнце его познания будет стоять в зените». («Так говорил Заратустра»).

Пророчество начало сбываться вскоре после смерти автора этих слов. С высоты сегодняшнего дня мы видим, что всеобъемлющий духовный кризис, приведший к падению западную христианскую цивилизацию, начался на высшей точке ее развития. Как огромный водоворот этот кризис втягивает все новые народы и культуры, грозя тотальным разрушением всех ценностей и превращением человечества в однородную биомассу, подчиняющуюся инстинкту потребления.

Нет, не это будущее виделось вождям народов, построивших дивный, светлый и свободный мир. Перед началом великой бойни 1914 года в Европе существовали всего две республики, в остальных странах правили конституционные монархи, опиравшиеся на институты народоправства, обеспечившие невиданный в истории подъем культуры на прочных устоях человеколюбия и творческого многообразия. Вера в прогресс и процветание воодушевляла их на все новые великодушные дары возмужавшим народам: доступные каждому социальные блага, всеобщее избирательное право, ликвидация сословных привилегий. Но уже вскоре стало ясно: все они – «идущие путем заката». И в конце его – не царство свободы, а тюремные решетки, массовые казни, слежка за миллионами людей, обесценение человеческой личности.

Австрийский писатель Стефан Цвейг принадлежавший к тем, кто свято верил в безоблачное будущее, писал впоследствии: «До 1914 года земля принадлежала всем. Каждый отправлялся, куда хотел, и оставался, на сколько хотел. Не было никаких разрешений, никаких санкций, и я снова и снова получаю истинное наслаждение, видя, как удивлены молодые люди, когда узнают, что до 1914 года я путешествовал в Индию и Америку, не имея паспорта и даже вообще не имея понятия о таковом. Ехал, куда и когда хотел, не спрашивая никого и не подвергаясь расспросам, не было необходимости заполнять ни одну из той сотни бумаг, которые требуются сегодня. Не было никаких разрешений, никаких виз, никаких справок; те же самые границы,

из-за патологического недоверия всех ко всем превращенные сегодня таможенниками, полицией, постами жандармерии в проволочные заграждения, были чисто символическими линиями, через которые человек переступал так же просто, как через меридиан в Гринвиче. Только после войны началось искушение мира национализмом, и явным проявлением этой духовной эпидемии нашего столетия явилась ненависть к иностранцам или по меньшей мере страх перед чужеродным. Повсюду отгораживались от иностранца, повсюду его игнорировали. Все те унижения, придуманные раньше исключительно для преступников, теперь распространялись до и во время поездки на каждого путешественника. Надо было фотографироваться справа и слева, в профиль и en face, волосы стричь коротко, чтобы было открыто ухо, нужно было оставлять отпечатки пальцев, сначала только большого, а затем всех десяти, сверх того надо было предъявлять свидетельства, справки о состоянии здоровья, справки о прививках, свидетельство полиции о благонадежности, рекомендации, надо было предъявлять приглашения и адреса родственников, нужны были моральные и финансовые гарантии, нужно было заполнять и подписывать анкеты в трех, четырех экземплярах, и, если хоть одной бумаги в этой кипе недоставало, дело шло насмарку».

Интересно, что сказал бы он сегодня, когда одна страна за другой вводят снятие отпечатков пальцев у прибывающих на границу, когда миллионы видеокамер ловят всякий шаг человека на улицах городов, когда гигантская рать соглядатаев потрошит личную переписку и подслушивает разговоры миллиардов жителей земли. И все это под неумолчные разглагольствования о правах человека и о демократии. Мало того, невидимые властители манипулируют судьбой целых народов, впрыскивая бацилл революционного брожения, свергая неугодных правителей и вознося к власти покорных марионеток. А всякий противящийся этой злой воле становится «идущим путем заката»…

Крестный путь

Первые месяцы после переворота императорская семья пребывала под домашним арестом в Александровском дворце Царского Села. Приставленная Временным правительством и Петроградским Советом охрана сопровождала каждый шаг Николая Александровича и его близких по территории резиденции. Но им, по крайней мере, не возбранялось гулять в парке, валить сухие ели, а потом распиливать их, расчищать дорожки и копаться в огороде.

Великие княжны и царевич Алексей в Царском Селе (май 1917 г.)

Лишенный престола царь не впал в уныние. Не удручало его и отсутствие большого числа приближенных. Он никогда не имел секретарей, и делал все сам даже будучи загружен государственными делами. А теперь он предавался любимым занятиям: разбирал бумаги, перечитывал дневники, возился у верстака (он был искусным столяром). Семья была привержена простому физическому труду, и по весне все с радостью вскапывали грядки, облачившись в серенькую одежду простолюдинов. Солдаты с удивлением глазели на великих княжен, по-крестьянски повязавших голову платками и ловко управлявшихся с лопатами.

Николай II и члены императорской фамилии работают в саду в Царском Селе

По вечерам после ужина собирались в гостиной, и глава семьи читал вслух произведения русских и иностранных классиков. Император и прежде славился как выдающийся чтец – особенно ему удавалось исполнение (иначе и не скажешь) произведений его любимого Гоголя. Великолепная память его хранила тысячи стихотворений русских поэтов. И в эти последние месяцы своей жизни он не утратил живого интереса к литературе: тех русских писателей, которых он прежде знал поверхностно, Николай Александрович теперь прочитывал «от и до». В считанные недели «проглотил» 12-томное собрание сочинений Лескова, старообрядческую эпопею Мельникова-Печерского «В лесах. На горах», основные книги Салтыкова-Щедрина.

Великие княжны Татьяна и Анастасия в Царском Селе (1917 г.)

Отлично зная русское прошлое – он далеко не формально возглавлял Историческое общество имени императора Александра III – Николай Александрович прививал любовь к родной старине и своим детям. Рассказы о Суворове, жизнь которого царь знал досконально, чтение романов Всеволода Соловьева, Мережковского, разбор старых рукописей (он свободно читал любой почерк вплоть до хитросплетенной вязи XVII века) исподволь прививали всем детям державное сознание и патриотизм.

Царевич Алексей и великая княжна Татьяна в парке в Царского Села (1917 г.)

Читая «Историю Византии» Успенского, «Всеобщую историю» Иегера, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, свергнутый монарх, похоже, не впал в безразличие ко всему, что осталось за стенами дворца. Его мысль работала, сопоставляя эпохи, ища ответа на вопросы, поставленные временем.

Вряд ли Николай Александрович лелеял мечту о возвращении к власти. Хотя отречение его в пользу брата было юридически не состоятельно – законы Российской империи не допускали передачи власти самодержцем другому лицу, – политическая ситуация не предвещала в обозримом будущем возрождения сильного монархического движения. Временное правительство обрушило репрессии на слуг старого режима, расправлялось с правыми партиями, закрывало газеты, арестовывало тиражи книг. Результаты не замедлили сказаться: на выборы в Учредительное собрание осенью семнадцатого года не была допущена ни одна из партий центра или консервативного толка.

Великие княжны Мария, Ольга, Татьяна и Анастасия в Царском Селе (май 1917 г.)

Пристальный интерес Николая Александровича к происходящим событиям был естественным для него как горячего патриота. Всякая неудача на фронте, всякое внутриполитическое обострение вызывало в его дневнике краткие, но энергичные комментарии. Когда было объявлено о «Займе свободы», целью которого было поддержать армию во имя победоносного окончания войны, экс-император подписался на этот заем, хотя для него-то такая свобода обернулась тюрьмой, пусть на первых порах и комфортабельной.

«Вперед в коммунистическое рабство!» Демонстрация в Петрограде в первые дни после февральского переворота

Это последнее обстоятельство весьма раздражало распропагандированную толпу. То и дело в большевистских и иных экстремистских листках раздавались кровожадные призывы, облачившийся в «тогу гражданина» российский хам требовал всяческих утеснений для семьи Романовых. Временное правительство было само не радо, что выпустило на волю такого джина, но сил справиться с ним не имело. Петербург был наводнен анархистами, дезертирами и просто уголовниками, которые под видом «революционной борьбы» занимались разбоем. Существовавшие поначалу планы отправки царской семьи в Англию постепенно утрачивали реальность, сама жизнь узников Александровского дворца не могла быть гарантирована в такой обстановке.

Невский проспект 4 июля 1917 г.

В июле 1917 года большевики попытались организовать переворот, но этот первый натиск был отбит. Миллионные тиражи газет и листовок, оплаченных марками кайзера, еще не произвели того разрушительного действия на психику народа, которое было достигнуто к октябрю. Но жажда мщения «проклятому прошлому» в лице деятелей, его олицетворявших, уже охватила миллионы крестьян в шинелях. И любое недоразумение могло привести к нападению черни на Царское Село. Для Временного правительства, понявшего – да поздно – в каком направлении развиваются события, такие осложнения были нежелательны. Большевистская пропаганда спекулировала на том, что «временные» опекают будто бы «палача русского народа». Поэтому было решено подыскать для царскосельских узников иное место.

Александра Федоровна и царевич Алексей

1 августа 1917 года два поезда с царской семьей и остатками ее свиты и обслуги вышли из Петрограда в направлении Тюмени, где узники должны были быть переведены на борт речного парохода. Конечной целью долгого путешествия был назначен Тобольск…

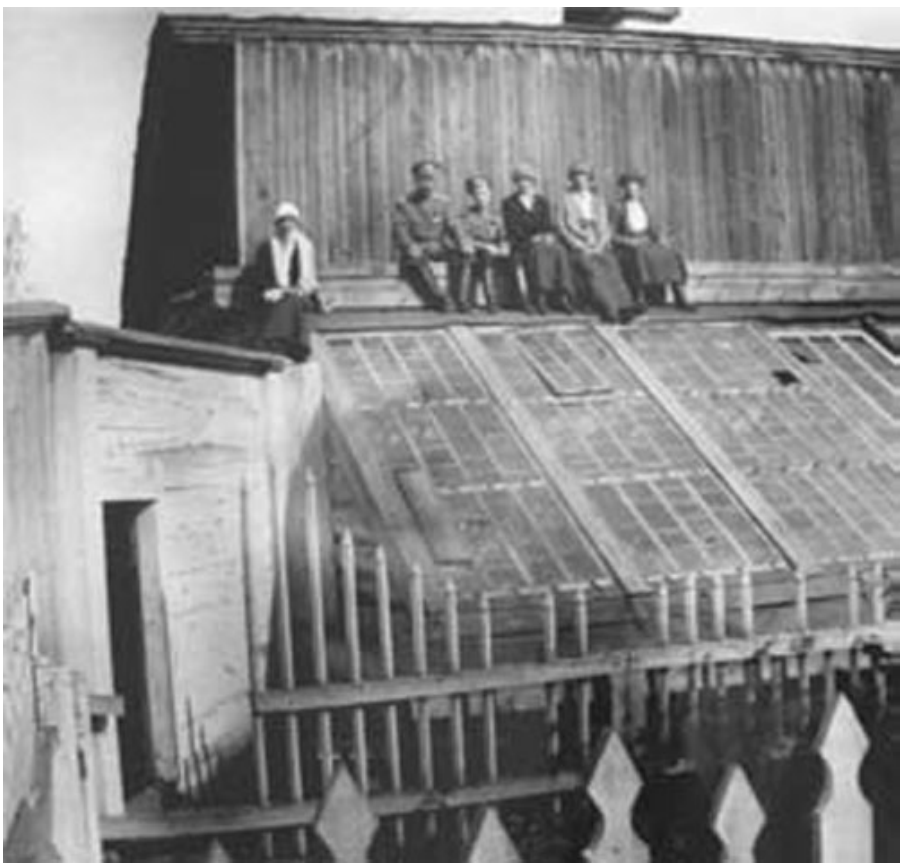
Когда на высоком берегу Иртыша увидели стройные силуэты церквей, экс-император сразу узнал пейзаж – возвращаясь в 1891 году из кругосветного путешествия, он посетил Тобольск. Старинный кремль, здание острога, в котором когда-то отбывал наказание Достоевский. Вход на кремлевскую гору перекрывает так называемая рентарея – арсенал XVII века. А в низменной части города, прилегающей к Иртышу, находился губернаторский дом, которому на восемь месяцев предстояло стать тюрьмой для царской семьи.

Тобольск до революции 1917 года

Кто попадет сегодня в Тобольск, сможет представить себе, что видела в окна царская семья, если будет смотреть сквозь сложенный трубкой кулак на старинные строения на горе. Этот вид сохраняет издалека относительную первозданность. Если же мы оглянемся вокруг, то заметим полуразрушенные церкви с растущими под куполами сорными деревьями, обветшавшие дома, разбитые улицы. Надо сделать большое усилие над собой, чтобы представить себе, что находишься в былой столице Сибири, в городе, славном культурными традициями и богомольностью народа.

Николай II с дочерьми Ольгой, Анастасией и Татьяной в Тобольске зимой 1917 года

До Тобольска к тому времени, когда в город прибыла семья Романовых, еще не успела докатиться пропагандистская волна, поднятая левыми партиями, а на вчерашних венценосцев народ взирал без злобы, даже с известной симпатией. Крестьяне в окрестностях города были крепкие – не чета той голытьбе, что толклась по улицам столиц в замызганных шинелях и вовсе не спешила к земле, в деревню. Царская семья сразу ощутила эту человечную, патриархальную атмосферу. Записи в дневнике императора сделались более обстоятельными, теперь он как бы остановился передохнуть на неведомом пути и задумался. А может быть, просто перестал так опасаться возможных соглядатаев, как в Царском Селе?..



Император Николай II со своими детьми в конце апреля 1918 г. в Тобольске. Это последняя семейная фотография

Вести из далекого Питера приходили одна другой тревожнее. После неудачного выступления генерала Корнилова, пытавшегося навести порядок в стране, обессилевшей от ежедневных

словопрений политиканов и разгула хулиганствующих «сынов народа», процесс распада власти пошел еще быстрее. Керенский самочинно провозгласил Россию республикой, хотя вопрос о форме правления должно было решить Учредительное собрание – чего хотел добиться такой игрой в слова вчерашний адвокат? Те, на кого был рассчитан этот жест, жаждали вовсе не демократии, их заветной мечтой было посчитаться с «чистой публикой».

Один из современников писал, оценивая Временное правительство: «Присяжный поверенный Керенский сам себя назначил «Верховным Главнокомандующим»; на место Керенского уселся помощник присяжного поверенного Крыленко; врач Шингарев сделался сначала «министром продовольствия», а затем «министром финансов», а его помощником был врач по женским болезням».

Разве такие люди могли в годину величайших испытаний спасти Россию? Но они оказались достаточно коварны, чтобы помешать действительно сильным личностями выполнить эту задачу. Их страх перед Корниловым был сильнее, чем страх перед разбушевавшейся улицей, и, опираясь на сочувствие последней, говоруны не дали настоящим мужчинам использовать последний исторический шанс.

Когда 17 ноября в Тобольск с большим опозданием пришли газеты с известиями об октябрьских событиях в Петрограде, Николай II с горечью записал в дневнике: «Гораздо хуже и позорнее событий смутного времени». Точность диагноза и глубина исторического зрения бесподобные. Иным профессорам пришлось добираться до этой истины целые годы.

Николай II с наследником в ссылке пилят дрова

Прошло всего несколько дней, и поток информации, поступавшей в Тобольск, превратился в тоненький ручеек – уже на второй день после переворота Ленин и его подручные ввели жесточайшую цензуру и закрыли неугодные им газеты и журналы. Но и того, что можно было понять из сообщений большевистских и родственных им изданий, оказывалось достаточно – Россия стремительно погружалась в бездну.

Уже через несколько дней новые властители, отрабатывая миллионы Вильгельма, вступили в сепаратные переговоры с немцами. То, что еще год назад приписывали царю, беззастенчиво проделывали теперь на глазах у всего мира. «Что это – глупость или измена?» – выкрикивал в преддверии Февраля Милюков. «Измена!» – радостно вторила ему Дума. Теперь изменники въявь сидели в царских покоях. Если Керенский приноровился спать на кровати Александра III, то Ленин с Троцким залезли в душу русского народа, в священный Кремль.

По условиям Брестского мира, подписанного большевиками, Россия потеряла 26 % своей территории, 27 % пригодной к возделыванию земли, 26 % железнодорожной сети, 33 % текстильной промышленности, 73 % железоделательной и сталелитейной промышленности, 75 % угольных шахт.

В Германии выпущены броские плакаты, извещавшие об «освободительной миссии» немцев – схематическое изображение

карты России было рассечено красными трещинами, на отколовшихся частях империи стояли названия новых стран: Эстония, Латвия, Литва, Украина… Получившие «независимость» из рук оккупантов и их кремлевских ставленников не ссылались тогда на волеизъявление народа…

В конце восьмидесятых годов ушедшего века привелось мне побывать в немецком городке Заснице, расположенном на острове Рюген. Отсюда, от конечной станции железной дороги, отправляются паромы в Швецию. Точно так же происходила переправа через Балтику весной 1917-го, когда социал-демократический вождь Ульянов и его сподвижники (Зиновьев-Апфельбаум, Розенблюм, Гоберман и т. п.) прибыли в Засниц в опломбированном вагоне. Немцы знали, что делали, пропуская во вражескую страну через свою территорию группу лиц, жаждущих развернуть подрывную пропаганду в тылу. В память услуг, оказанных ими, вагон, в котором проехали через рейх «борцы за дело рабочего класса», встал в Заснице на вечную стоянку. В мой приезд возле него развевались знамена СССР и ГДР. Не знаю, что висит на флагштоках теперь. Но по справедливости националистические правительства Прибалтики и других окраинных образований должны послать в Засниц и свои знамена – им самое место возле вагона, в котором проехал когда-то щедрый раздаватель «независимостей» и «суверенитетов».

Николай II в ссылке

Николай Александрович Романов, всего год назад бывший руководителем крупнейшей страны мира, теперь с ужасом наблюдал, как растаскивают по частям государство, создававшееся тысячу лет – из них триста лет его прямыми предками. Семья Романовых начинала «собирание земли» из небольшого слабого царства, едва пережившего Смуту и трепетавшего польских и татарских набегов, а оставила Россию протянувшейся через весь континент Евразии. Триста лет строительства и один год подлости и предательства уравновесились на весах истории. Неужели народ, который был так любим последним из романовского царского рода, оказался недостоин этой любви?..

Мучительные вопросы, на которые не было ответа, заставляли Николая II искать этот ответ в книгах русских классиков. Никогда он не читал столько русских прозаиков, как в тот год – революционные романы Тургенева и антиреволюционные Лескова, 4-й том «Войны и мира», содержащий рассуждения о философии истории и русской душе, трилогию Мережковского об Антихристе, действовавшем и в

России, романы Всеволода Соловьева о масонах, мистико-политическое сочинение Сергея Нилуса «Близ есть при дверех», выпущенное в январе 1917 и почти полностью уничтоженное по приказу Временного правительства.

И все сильнее зреет убеждение экс-императора, что России предначертано свыше пройти через пучину бед. Нет, не русский народ он винит – он видит, какие силы тьмы объединились во имя сокрушения христианского государства. Царственная супруга во всем разделяет его настроение, она укрепляет дух детей и близких. Поэтому в доме нет уныния, несмотря на лавину самых чудовищных слухов, будоражащих окрестное население. У Романовых не опустились руки – продолжаются интенсивные учебные занятия Алексея, дочери рукодельничают, помогают отцу в расчистке дорожек от снега, в пилке дров. Все вместе разучивают пьесы и разыгрывают их на импровизированной сцене. А когда из города приходит священник, как всегда, истово предстоят перед Богом на молебнах по случаю семейных, государственных и церковных памятных дней. «С веселием и радостию», подобно первохристианским святым, встречают они удары судьбы. Ни один из наследовавших Романовым властителей России не обладал такой силой духа перед лицом грозящих бед. Страницы дневника низложенного монарха поражают прежде всего непоколебимой ясностью и внутренним достоинством. Ни одного ругательного эпитета, ни одного бранного слова! Стоит сравнить эти записи с дневником Ивана Бунина, который от яростного неприятия самодержавия перешел в те дни к столь же исступленной ненависти к новым властителям – даже в наше время бесцензурной вседозволенности редактору-составителю приходится обозначать отточием непечатные выпады всегда невозмутимого стилиста. В те дни, когда Николай Александрович сдержанно, но емко прокомментировал большевистский переворот, Бунин записал:

Дореволюционная фотография царской семьи

«4 ноября… Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город. «Вобче, безусловно!» Три раза приходили, вели себя нагло. Выйдя на улицу после этого отсиживания в крепости – страшное чувство свободы (идти) и рабства. Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный, грязный. Москва мерзка как никогда. Ходил по переулкам возле Арбата. Разбитые стекла и. т. д. Назад, по Поварской – автомобиль взял белый гроб из госпиталя против нас.

Заснул около семи утра. Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! Разгромили людоеды Москву!»

«Восемь месяцев страха, рабства» – и это о «золотых днях русской свободы», по сей день восхваляемых теми, кто числит себя наследниками «демократии» образца февраля 17-го…

«Передача семьи Романовых Уралсовету» (Художник В. Н. Пчелин. 1927 год)

Наконец и до Тобольска добрались «товарищи». Местный большевик Исай Коганицкий, еще недавно скромно шмыгавший по улицам в несвежей шинели, теперь раздулся, стал держаться нагло и вызывающе. Хотя единомышленников у него было мало, плюгавый революционер хорохорился не зря – все окрестные местности уже были в руках верных ленинцев. В марте 1918-го подоспела подмога во главе с бывшим матросом Хохряковым, жизнелюбивым мужланом с огромными кулачищами и бесшабашно-глупыми глазами. Коганицкий подсобил ему на выборах в местный Совет, и когда Хохряков сделался его председателем, стал руководить всеми действиями могучего борца за народное счастье. Тем более, что на этот счет регулярно поступали указания от Шаи Голощекина, секретаря Уральского обкома ленинской партии. А тот, в свою очередь, постоянно держал связь с Янкелем Свердловым, красным «президентом».

Хохрякова назначили по совместительству и комиссаром дома-тюрьмы, где содержалась царская семья. Эта операция и была главной целью командирования революционного матроса в Тобольск. Ибо палачи, засевшие в Кремле, уже порешили перевести императора и его близких поближе к центру, где их позиции были прочнее и где без особых препон можно было

заняться приготовлениями к расправе.

Новым местом заключения назначили Екатеринбург. Тут у Свердлова кругом были свои люди. Еще со времен 1905 года, когда он пестовал в этих местах банды террористов, сложился дружный коллектив отпетых негодяев, которым ничего не стоило выстрелить безоружному человеку в лицо, задушить священника, отрезать голову классово чуждому элементу. И это не образные преувеличения – действительные факты из послужного списка «красной сотни», орудовавшей на Урале еще до большевистского переворота.

30 апреля в Екатеринбург были доставлены царь, Александра Федоровна и Мария Николаевна. Три недели спустя в особняк инженера Ипатьева, приспособленный под «Дом особого назначения», прибыли остальные члены семьи – Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна. Крестный путь завершился – в этом доме последнему русскому императору и его семье выпало встретить смертный час…

«Вам выпало счастье расстрелять…»

Когда-то Макиавелли поучал феодальных властителей Италии: «… завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если подданные и раньше не знали свободы.

Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства».

Вряд ли автор трактата «Государь» рассчитывал на то, что спустя четыре столетия его рецептом воспользуется группа заговорщиков, захватившая власть в далекой полуазиатской стране под лозунгами освобождения от всякой тирании. В начале XVI столетия – века Возрождения – верили в грядущее торжество разума и никак не могли представить себе, что на исходе тысячелетней христианской цивилизации государством могут завладеть хладнокровные и циничные душегубы.

Дом *Ипатьева*, по странной иронии истории ставший последним пристанищем династии, вышедшей из *Ипатьевского* монастыря в Костроме, был изначально выбран как камера смертников. Если бы у Ленина, Свердлова и их приближенных действительно существовало намерение предать царя суду, вовсе не было необходимости держать его за тысячи верст от столицы. А последовавшее за убийством на екатеринбургской Голгофе поголовное истребление всех мужчин и женщин, принадлежавших семье Романовых, прямо указывает на существование дьявольского замысла.

Ныне сценарий расправы можно считать в общих чертах установленным. Он разыгрывался в заранее обусловленные сроки и по четко разработанному графику.

После большевистского переворота в Пермь был под конвоем доставлен великий князь Михаил Александрович, брат Николая II, в пользу которого царь отрекся от престола. Поскольку все акты Временного правительства (в том числе и самовластное объявление России республикой в дни керенщины), а также Учредительного Собрания новыми властителями не признавались, Михаил приобретал особое значение. Ведь отрекся он как бы не насовсем, а «в пользу Учредительного собрания», которому предстояло решить вопрос о форме правления. Поэтому именно с него – последнего носителя самодержавной власти – и

постановили начать бойню…

Вечером 11 июня 1918 года группа большевистских должностных лиц во главе с Иванченко, комиссаром по охране Перми, начальником милиции явилась в гостиницу, где проживал Михаил Александрович. Схватив великого князя вместе с его секретарем Джонсоном и вывезя в глухое место за городом, убили обоих.

На следующий день власти объявили о похищении брата бывшего царя, причем информация подавалась в газетах таким образом, чтобы стало ясно: это дело рук монархистов. Режиссеры трагедии были довольны – первый акт прошел успешно. Один из палачей – Марков – позднее писал о том, как отчитался перед «самым человечным человеком»: «Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я. М., он меня привел к В. И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну вот и хорошо, правильно сделали»».

Можно было приступать к осуществлению второй части сценария. В газеты подбросили утку о расстреле царя и тут же ее опровергли. Прозондировав таким образом общественное мнение (не в России – его большевики «в гробу видали», а в стране хозяина – Вильгельма II) и подготовив почву для дезинформации после действительной расправы, дали сигнал в Екатеринбург: пора.

И местные борцы за дело народа засуетились. Сменили охрану в доме Ипатьева, замазали стекла известкой, подыскали в глухомани за городом подходящее место для захоронения жертв. Исай Радзинский сочинил провокационное письмо царской семье от имени некоего белогвардейца. Пинхус Войков взялся достать соляной кислоты для уничтожения трупов. Наиболее важную историческую миссию Шая Голощекин доверил старому знакомому Янкелю Юровскому. Тот хорошо знал местные кадры – как-никак долгие годы заведовал фотоателье в Екатеринбурге. К тому же, по видимости, был негласным руководителем еврейской общины. Банкир, вошедший после февральского переворота в здешнюю властную структуру, оставил важное свидетельство: «В первый же день, как только образовался Комитет общественной безопасности, ко мне подошел Юровский и вручил пятьсот рублей вместе с подписным листом.

– Эти деньги я собрал среди местного еврейства для нужд Исполнительной комиссии. Прошу принять и выдать квитанцию»[9]. Вряд ли для подобной операции уполномочили бы случайную фигуру.

Как не подивишься беспардонности нынешнего адвоката палачей: «Юровский и Голощекин с юности отринули свое еврейство. И служили они совсем другому народу. Народ этот тоже жил по всему миру. И именовался – всемирный пролетариат»[10].

На каком основании сочинитель сделал такой вывод? Единственное, что твердо известно об отношениях этого сорта интернационалистов с пролетариатом: они находили удобным убивать от его имени…

Судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколов. Вплоть до рассекречивания советских источников в 1989–1992 гг. материалы Соколова и опирающиеся на них работы Вильтона и Дитерихса являлись основным источником данных о расстреле царской семьи.

Вдохновляется подобная писанина трудами, подобными книге М. Хейфеца «Цареубийство в 1918 году. Версия преступления и фальсифицированного следствия», изданной в Иерусалиме в 1990 г. Она целиком посвящена доказательству непричастности к убийству или второстепенной роли в нём большевиков-евреев и о неправильном предвзятом ведении

следствия русским следователем Н. А. Соколовым. Активные организаторы преступления Войков, Радзинский и Голощекин объявляются статистами. Хейфец не стесняется и прямой фальсификации, утверждая, что руководителем убийства был П. З. Ермаков. От людей, именующих себя историками, естественно ожидать призыва к покаянию за кошмарное преступление, положившее начало подлинному геноциду русского народа. Но когда вместо мужественного признания фактов видишь беззастенчивое изворачивание, очевидное стремление фальсифицировать истину, что, кроме брезгливости можешь испытывать к подобным писакам?..

Книга Н. А. Соколова «Убийство царской семьи»

Не только большевики точили ножи. По странному стечению обстоятельств не меньшую кровожадность проявили и евреи, состоявшие в других партиях. Соучастник убийства М. Медведев вспоминал: «Еще в конце июня 1918 года члены Екатеринбургского Совета эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позднее – большевик, чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали на скорейшей ликвидации Романовых и обвиняли большевиков в непоследовательности». Выходит, всемирный пролетариат тут не при чем. Единственное, в чем можно согласиться с Хейфецом и Радзинским, это то, что среди подручных этой мононациональной компании имелось несколько негодяев из русских. Одному из них, уголовнику Ермакову, Юровский сказал: «На твою долю

выпало счастье – расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел». Компанию живодеров укрепили «интернационалистами» из Германии и Венгрии. И в условленный час по сигналу из Кремля набросились на беззащитных.

А через несколько дней после злодеяния оповестили мир, что царь «казнен» по приговору народа, но семья – в безопасном месте. При этом для сведения обер-палача дали в Москву шифровку: «Москва, Кремль. Секретарю Совнаркома Горбунову. Передайте Свердлову, что всю семью постигла участь главы официально семья погибнет при эвакуации».

Получив известие о завершении второго акта, немедленно приступили к третьему. В Алапаевск, небольшой городок возле Екатеринбурга, где содержались под стражей несколько Великих князей и княгинь, а также лица императорской крови, полетело распоряжение о проведении новой бойни. Большевистский актив и здесь заранее подготовился. Инсценировав для местного народа ночную схватку с невидимым противником, тем временем сбрасывали в тридцатиметровую шахту живых людей. Затем принялись швырять туда же остро отточенные бревна, гранаты. Но тут вышла промашка – целых три дня после этого из-под земли слышались стоны и пение псалмов. Тогда «служители всемирного пролетариата» подожгли серу и швырнули в шахту. Только удушив таким образом недобитых старух и юношей, смогли отрапортовать об успешном исполнении «народного правосудия».

Однако, в Кремле не считали дело законченным. В Петрограде содержались в тюрьмах еще несколько великих князей. Никто из них, как и жертвы алапаевских коммунистов, не занимал больших должностей и вообще к политике отношения не имел. Николай Михайлович, дядя царя, был известным историком, одно время его кандидатура рассматривалась на пост президента Академии Наук, но он отклонил это предложение… В январе 1919 годе он и трое других великих князей были расстреляны по указанию «кремлевского мечтателя».

Сидя в Горках, чужой усадьбе, приглянувшейся вождю обездоленных, компания постояльцев Кремля, должно быть, раскладывала пасьянс на будущее: чем меньше тузов и королей оставалось в колоде, тем крепче становилась их собственная власть…

Подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где была расстреляна царская семья. ГА РФ

Долгие годы над последними днями императора Николая II тяготела завеса тайны. Только в середине 20-х годов большевики признали сам факт убийства всей семьи царя по заранее утвержденному плану. А до того всеми правдами и неправдами пытались замести следы злодеяния. Когда после захвата Екатеринбурга белыми были опубликованы неопровержимые доказательства преднамеренного убийства, ленинцы заявили: преступление совершено левыми эсерами, чтобы осложнить положение Советской республики. ЧК инсценировал суд над участниками убийства (иностранцами) и объявил об их казни. Так что, как видим, весь набор подлых приемов был отработан еще при непосредственном участии нынешнего постояльца мавзолея на Красном площади.

Сейчас трудно представить, что испытывали он и его ближайшие сподвижники Свердлов, Бухарин, Зиновьев, Каменев, когда разрумянившийся от натуги Шая Голощекин извлек из только что открытого ящика стеклянные сосуды с заспиртованными головами Николая II и его семьи. Но во всяком случае не сострадание. Похоже, что дикое зрелище лишь подстегнуло их кровожадные инстинкты. Уже через несколько недель после убийств в Екатеринбурге вся страна содрогалась в конвульсиях: начатая по распоряжению большевистской верхушки кампания красного террора унесла десятки тысяч невинных.

Вожди черни дурели от запаха крови, как вампиры, припавшие к трепещущему телу, полному жизни…

Кроме ящиков с кровавыми трофеями, Шая привез из Екатеринбурга три вагона вещей царской семьи. Работники большевистского партаппарата и их жены как мухи облепили добро, доставленное в Кремль. Подруги жизни народных комиссаров чуть не перегрызлись из-за драгоценностей, принадлежавших убитым. Коммунистические мародеры уже ощутили вкус власти, но им все чего-то не хватало, чтобы выглядеть настоящими господами. Они думали: царских бриллиантов. Но история рассудила иначе: им не хватало того, что имелось у растерзанных ими царственных мучеников, у абсолютного большинства порабощенного ими тогда народа…

Убитые в доме Ипатьева. Николай II с семьёй. (Слева направо:

Ольга, Мария, Николай, Александра, Анастасия, Алексей и Татьяна), лейб-медик Е. С. Боткин, лейб-повар И. М. Харитонов, комнатная девушка А. С. Демидова, камердинер полковник А. Е. Трупп

А может быть, у них все-таки было нечто взамен «органа нравственности», с таким упорством отрицавшегося учениками Маркса. Ведь они тоже не прочь были потолковать о *революционной морали*, в корне отличной от христианской. Наверное, эта самая мораль обусловила ту многолетнюю переписку, которую вел большевистский ЦК с участниками убийств, совершенных на Урале. Каждый из палачей претендовал на честь собственноручного убиения царя и наследника. Хотя факты и свидетельские показания неопровержимо указывали, что императора и царственного ребенка застрелил Янкель Юровский, один из его подручных – Петр Ермаков – после смерти своего шефа принялся отстаивать собственное «авторство» в убийстве № 1. Матрос Хохряков тоже похвалялся, что это он стрелял в императора, и показывал всем «кольт», из которого был сделан роковой выстрел.

А за «честь» убийства великого князя Михаила Александровича в Перми годами сражался Иосиф Новоселов – засыпал редакции газет, Истпарт и ЦК заявлениями о том, что этот подвиг незаслуженно приписывают себе В. Иванченко и А. Марков. И партийные инстанции с великой заинтересованностью вели переписку с сутягой.

В 60-х годах в каждой пивной Свердловска обретался свой участник убийства царской семьи. За кружку пива и кусок воблы он готов был рассказать любому все подробности бойни. Ремесло цареубийцы исправно кормило и поило такого завсегдатая. И не дай Бог, если на его территорию забредал другой мнимый герой пролетарской казни – случались не только словесные перепалки, но и потасовки. Уровень представлений о «чести» и «достоинстве» у этих подонков вполне соответствовал «морали» действительных убийц, ревновавших друг к другу…

Место свято

Многие годы место, где пролилась святая кровь, пребывало в запустении. Но уже в конце коммунистического господства было очевидно, что такое положение не будет длиться вечно. Все громче и настойчивее звучали голоса, требующие возвести храм на крови помазанника Божия. А после канонизации царственных мучеников Русской зарубежной церковью слова о *святом месте* имели предельно точный смысл. В чаянии соединения церквей и Московский патриархат решил причислить венценосную семью к лику святых…

Когда летом 1977 года я бродил по комнатам Ипатьевского дома, то не знал, что он уже обречен. В Свердловске уже побывал министр внутренних дел Щелоков, пообщался с Ельциным и отбыл в Москву с докладом для Суслова, следившего за судьбой особняка. Борис Николаевич, многие годы отвечавший за строительство в городе, а в 1976 году занявший пост первого секретаря обкома КПСС, заверил, что работы по сносу Ипатьевского дома будут проведены внезапно и быстро, дабы не вызвать нежелательных выступлений.

Икона, представляющая царскую семью и прочих, канонизированных РПЦЗ – слуг (доктор Евгений Боткин, повар Иван Харитонов, лакей Алоизий Трупп, горничная Анна Демидова) и мучеников Алапаевской шахты (Елизавету Федоровну и великих князей)

О том, что отрицательная реакция неизбежна, наверху знали – местные краеведы пронюхали о намерении уничтожить особняк и засыпали партийные инстанции письмами и телеграммами. Я видел папку с этими документами в Свердловском отделении Общества охраны памятников истории и культуры, когда приехал

в город весной 1978 года писать очерк о судьбе архитектурном старины Екатеринбурга. Задолго до сноса по ходатайству Свердловского обкома Совет министров России разрешил снять с государственной охраны памятник архитектуры дом Ипатьева. Со стены особняка была удалена охранная доска, и стало ясно, что дни его сочтены. В ту пору бороться против любой акции сноса было неимоверно сложно – всякое выступление в защиту старины объявлялось вылазкой ретроградов, а то и антисоветчиков. Поэтому ревнителям памятников архитектуры приходилось подыскивать любые обоснования, способные остановить разрушителей – в одном доме останавливался герой гражданской войны, в другом проходила какая-нибудь профсоюзная конференция, в третьем было принято решение о вооруженном восстании… А поскольку большевистская верхушка с самого начала привыкла захватывать лучшие здания, то каждому заметному дому, покопавшись, можно было подобрать партийно-революционную родословную. Но свердловские коммунисты были из самых твердолобых – только за 70-е годы они уничтожили весь старинный центр города. Возводя обкомовский небоскреб, порушили на сотни метров вокруг всю историческую застройку. Можно понять, какой безнадежной была борьба за спасение дома Ипатьева – даже телеграммы на имя Брежнева, молившие о спасении «памятника революционного правосудия», остались без ответа, единственное место, где заинтересовались аргументами непрошенных защитников старины, было областное управление КГБ…

Я долго стоял возле груды битых кирпичей, которая совсем недавно была одним из лучших строений города. Искореженная бульдозерами земля, перемешанная с кирпичной крошкой и штукатуркой, молчала. А мне почему-то казалось, что, ступив на нее, я услышу крик крови. Закрыв глаза, я пытался отрешиться от трезвона и лязга трамваев, от грая ворон, от автомобильных сигналов. Но какафония не отступала, преследовала, как наваждение. Я нагнулся, поднял половинку кирпича и пошел прочь.

Целый день я бродил по ближним улицам, то приближаясь, то удаляясь от места гибели венценосцев. Где-то здесь, в нескольких сотнях метров от Ипатьевского дома, я родился спустя тридцать один год после *той* ночи. Почти столько же прошло до той весны 78-го со времени моего появления на свет – а для меня эти монотонные годы слились в неразрывный миг.

Один исторический миг разделил их смерть и мое рождение… Эта мысль, завладевшая мной, не оставляла меня весь тот день. В полночь я вышел из гостиницы и, пройдя по

пустынным улицам, вновь оказался на Ипатьевском пустыре. Сначала я ничего не слышал, потом земля качнулась подо мной, и я почувствовал ее немой зов. Быть может, нужна была темнота, скрывшая груды мусора, чтобы воображение отрешилось от безобразной картины – но теперь, в отличие от дневного визита, я ощущал животворящие волны, подымающиеся из глубины…

Сегодня на бывшем пустыре вознесся многоглавый храм во имя убиенного императора и его семьи. Святой мученик, стоящий в начале скорбной шеренги жертв безбожного режима, – словно поводырь, выводящий их из тьмы забвения к вечному свету. Чем дальше уходит в прошлое страшная ночь расправы, тем ярче нимб, разгорающийся вокруг царского лика.

Он первым рухнул тогда от пули красного палача, первым он стоит у престола Всевышнего как молитвенник за Русскую землю. Так думают те, кто ставит свечи перед иконой святомученика Николая, кто приносит кроваво рдеющие гвоздики на место расправы с царской семьей.

Храм-на-Крови в честь Всех Святых, в Земле Российской просиявших на месте Ипатьевского дома в Екатеринбурге

Впрочем, до самого конца XX века неясно было, пробьются ли ростки исторической правды сквозь напластовани лжи и клеветы, под которыми была погребена история жизни и смерти последнего русского царя. И внутри православной церкви оказалось немало людей, решительно противившихся канонизации жертв екатеринбургского злодеяния. Но растущее почитание их в народе стало главным аргументом, положившим конец неуместной дискуссии. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, состоявшимся в 2000 году, определено: «Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексия, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесённых Царской семьёй в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4 (17) июля 1918 года, был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке… Сообщить имена новопрославленных святых Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы».

Икона Святых Царственных страстотерпцев

Людям с зажженными свечами и гвоздиками часто является одна и та же картина: на белый храм с золотыми куполами, нисходит с небес несказанный свет. Утверждают, что иным приходилось слышать голоса – мужской, женский, девические и отроческий. Впрочем, это дано пока немногим – тем, кто способен переживать былое и настоящее как единый, вечно длящийся миг.

Благоверный царь Николай Александрович и его семья (Житие)

Дни памяти:
Январь 29 (новомуч.), Июнь 4 (Петерб.), Июль 4

Будущий Император Всероссийский Николай II родился 6 (18) мая 1868 года, в день святого праведного Иова Многострадального. Он был старшим сыном Императора Александра III и его супруги Императрицы Марии Феодоровны. Воспитание, полученное им под руководством отца, было строгим, почти суровым. «Мне нужны нормальные здоровые русские дети» – такое требование выдвигал Император к воспитателям своих детей. А такое воспитание могло быть по духу только православным. Еще маленьким ребенком Наследник Цесаревич проявлял особую любовь к Богу, к Его Церкви. Он получил весьма хорошее домашнее образование – знал несколько языков, изучил русскую и мировую историю, глубоко разбирался в военном деле, был широко эрудированным человеком. У Императора Александра III была программа всесторонней подготовки Наследника к исполнению монарших обязанностей, но этим планам в полной мере не суждено было осуществиться…

Императрица Александра Феодоровна (принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) родилась 25 мая (7 июня) 1872 года в Дармштадте, столице небольшого германского герцогства, к тому времени уже насильственно включенного в Германскую империю. Отцом Алисы был Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг, а матерью – принцесса Алиса Английская, третья дочь королевы Виктории. В младенчестве принцесса Алиса – дома ее звали Аликс – была веселым, живым ребенком, получив за это прозвище «Санни» (Солнышко). Дети гессенской четы – а их было семеро – воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их проходила по строго установленному матерью регламенту, ни одной минуты не должно было проходить без дела. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами зажигали камины, убирали свои комнаты. Мать старалась с детства привить им качества, основанные на глубоко христианском подходе к жизни.

Первое горе Аликс перенесла в шесть лет – от дифтерии в возрасте тридцати пяти лет умерла ее мать. После пережитой трагедии маленькая Аликс стала замкнутой, отчужденной, начала сторониться незнакомых людей; успокаивалась она только в

семейном кругу. После смерти дочери королева Виктория перенесла свою любовь на ее детей, особенно на младшую, Аликс. Ее воспитание, образование отныне проходило под контролем бабушки.

Первая встреча шестнадцатилетнего Наследника Цесаревича Николая Александровича и совсем юной принцессы Алисы произошла в 1884 году, когда ее старшая сестра, будущая преподобномученица Елизавета, вступила в брак с Великим князем Сергеем Александровичем, дядей Цесаревича. Между молодыми людьми завязалась крепкая дружба, перешедшая затем в глубокую и все возрастающую любовь. Когда в 1889 году, достигнув совершеннолетия, Наследник обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой, отец отказал, мотивируя отказ молодостью Наследника. Пришлось смириться перед отцовской волей. В 1894 году, видя непоколебимую решимость сына, обычно мягкого и даже робкого в общении с отцом, Император Александр III дает благословение на брак. Единственным препятствием оставался переход в Православие – по российским законам невеста Наследника российского престола должна быть православной. Протестантка по воспитанию, Алиса была убеждена в истинности своего исповедания и поначалу смущалась необходимостью перемены вероисповедания.

Радость взаимной любви была омрачена резким ухудшением здоровья отца – Императора Александра III. Поездка в Крым осенью 1894 года не принесла ему облегчения, тяжелый недуг неумолимо уносил силы…

20 октября Император Александр III скончался. На следующий день в дворцовой церкви Ливадийского дворца принцесса Алиса была присоединена к Православию через Миропомазание, получив имя Александры Феодоровны.

Несмотря на траур по отцу, было решено не откладывать бракосочетание, но оно состоялось в самой скромной обстановке 14 ноября 1894 года. Наступившие затем дни семейного счастья вскоре сменились для нового Императора необходимостью принятия на себя всего бремени управления Российской империей.

Ранняя смерть Александра III не позволила вполне завершить подготовку Наследника к исполнению обязанностей монарха. Он еще не был полностью введен в курс высших государственных дел, уже после восшествия на престол многое ему пришлось узнавать из докладов своих министров.

Впрочем, характер Николая Александровича, которому при воцарении было двадцать шесть лет, и его мировоззрение к этому

времени вполне определились.

Лица, стоявшие близко ко двору, отмечали его живой ум – он всегда быстро схватывал существо докладываемых ему вопросов, прекрасную память, особенно на лица, благородство образа мыслей. Но Цесаревича заслоняла мощная фигура Александра III. Николай Александрович своей мягкостью, тактичностью в обращении, скромными манерами на многих производил впечатление человека, не унаследовавшего сильной воли своего отца.

Руководством для Императора Николая II было политическое завещание отца: «Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед Престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся самого себя и своей совести».

С самого начала своего правления державой Российской Император Николай II относился к несению обязанностей монарха как к священному долгу. Государь глубоко верил, что и для стомиллионного русского народа царская власть была и остается священной. В нем всегда жило представление о том, что Царю и Царице следует быть ближе к народу, чаще видеть его и больше доверять ему.

1896 год был ознаменован коронационными торжествами в Москве. Венчание на царство – важнейшее событие в жизни монарха, в особенности когда он проникнут глубокой верой в свое призвание. Над царской четой было совершено Таинство миропомазания – в знак того, что как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения, Господь… даст крепость царем нашим (1 Цар. 2, 10). С этого мгновения Государь почувствовал себя подлинным Помазанником Божиим. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

К великой скорби Государя, торжества в Москве были омрачены катастрофой на Ходынском поле: в ожидавшей царских подарков толпе произошла давка, в которой погибло много людей. Став верховным правителем огромной империи, в руках которого практически сосредотачивалась вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, Николай Александрович взял на себя громадную историческую и моральную ответственность за все происходящее во вверенном ему государстве. И одной из важнейших своих обязанностей

почитал Государь хранение веры православной, по слову Священного Писания: «царь… заключил пред лицем Господним завет – последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его от всего сердца и от всей души» (4 Цар. 23, 3). Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 года, родилась первая дочь – Великая княжна Ольга; за ней последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей, Великих княжон Татианы (29 мая 1897 года), Марии (14 июня 1899 года) и Анастасии (5 июня 1901 года). Но эта радость была не без примеси горечи – заветным желанием Царской четы было рождение Наследника, чтобы Господь приложил дни ко дням царя, лета его продлил в род и род (Пс. 60, 7).

Долгожданное событие произошло 12 августа 1904 года, через год после паломничества Царской семьи в Саров, на торжества прославления преподобного Серафима. Казалось, начинается новая светлая полоса в их семейной жизни. Но уже через несколько недель после рождения Царевича Алексия выяснилось, что он болен гемофилией. Жизнь ребенка все время висела на волоске: малейшее кровотечение могло стоить ему жизни. Страдания матери были особенно сильны…

Глубокая и искренняя религиозность выделяла Императорскую чету среди представителей тогдашней аристократии. Духом православной веры было проникнуто с самого начала и воспитание детей Императорской семьи. Все ее члены жили в соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говение во время постов были неотъемлемой частью быта русских царей, ибо царь уповает на Господа, и во благости Всевышнего не поколеблется (Пс. 20, 8).

Однако личная религиозность Государя Николая Александровича, и в особенности его супруги, была чем-то бесспорно большим, чем простое следование традициям. Царская чета не только посещает храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам святых, но и совершает паломничества, как это было в 1903 году во время прославления преподобного Серафима Саровского. Краткие богослужения в придворных храмах не удовлетворяли уже Императора и Императрицу. Специально для них совершались службы в царскосельском Феодоровском соборе, построенном в стиле XVI века. Здесь Императрица Александра молилась перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами, внимательно следя за ходом церковной службы.

Нуждам Православной Церкви Император уделял огромное

внимание во все время своего царствования. Как и все российские императоры, Николай II щедро жертвовал на постройку новых храмов, в том числе и за пределами России. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, было открыто более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке новых храмов и других церковных торжествах. Личное благочестие Государя проявилось и в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь 5 святых угодников. За время последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 г.), преподобный Серафим Саровский (1903 г.), святая княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святитель Иоасаф Белгородский (1911 г.), святитель Ермоген Московский (1913 г.), святитель Питирим Тамбовский (1914 г.), святитель Иоанн Тобольский (1916 г.). При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Император Николай II высоко чтил святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины царь повелел совершать всенародное молитвенное поминовение почившего в день его преставления.

В годы правления Императора Николая II сохранялась традиционная синодальная система управления Церковью, однако именно при нем церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора.

Стремление привносить в государственную жизнь христианские религиозно-нравственные принципы своего мировоззрения всегда отличало и внешнюю политику Императора Николая II. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений. Следствием этого стали мирные конференции в Гааге в 1889 и 1907 годах. Их решения не утратили своего значения и до наших дней.

Но, несмотря на искреннее стремление Государя к I миру, в его царствование России пришлось участвовать в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам. В 1904 году без объявления войны начала военные действия против России Япония – следствием этой тяжелой для России войны стала революционная смута 1905 года. Как великую личную

скорбь воспринимал Государь происходившие в стране беспорядки…

В неофициальной обстановке с Государем общались немногие. И все, кто знал его семейную жизнь не понаслышке, отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие всех членов этой тесно сплоченной семьи. Центром ее был Алексей Николаевич, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. По отношению к матери дети были полны уважения и предупредительности. Когда Императрице нездоровилось, дочери устраивали поочередное дежурство при матери, и та из них, которая в этот день несла дежурство, безвыходно оставалась при ней. Отношения детей с Государем были трогательны – он был для них одновременно царем, отцом и товарищем; чувства их видоизменялись в зависимости от обстоятельств, переходя от почти религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы.

Обстоятельством, постоянно омрачавшим жизнь Императорской семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Приступы гемофилии, во время которых ребенок испытывал тяжкие страдания, повторялись неоднократно. В сентябре 1912 года вследствие неосторожного движения произошло внутреннее кровотечение, и положение было настолько серьезно, что опасались за жизнь Цесаревича. Во всех храмах России служились молебны о его выздоровлении. Характер болезни являлся государственной тайной, и родители часто должны были скрывать переживаемые ими чувства, участвуя в обычном распорядке дворцовой жизни. Императрица хорошо понимала, что медицина была здесь бессильна. Но ведь для Бога нет ничего невозможного! Будучи глубоко верующей, она всей душой предавалась усердной молитве в чаянии чудесного исцеления. Подчас, когда ребенок был здоров, ей казалось, что ее молитва услышана, но приступы снова повторялись, и это наполняло душу матери бесконечной скорбью. Она готова была поверить всякому, кто был способен помочь ее горю, хоть как-то облегчить страдания сына, – и болезнь Цесаревича открывала двери во дворец тем людям, которых рекомендовали Царской семье как целителей и молитвенников. В их числе появляется во дворце крестьянин Григорий Распутин, которому суждено было сыграть свою роль в жизни Царской семьи, да и в судьбе всей страны – но претендовать на эту роль он не имел никакого права. Лица, искренне любившие Царскую семью, пытались как-то ограничить влияние Распутина; среди них были преподобномученица Великая княгиня Елизавета, священномученик митрополит Владимир…

В 1913 году вся Россия торжественно праздновала трехсотлетие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве, весной, Царская семья довершает поездку по древним среднерусским городам, история которых связана с событиями начала XVII века. На Государя произвели большое впечатление искренние проявления народной преданности – а население страны в те годы быстро увеличивалось: во множестве народа величие царю (Притч. 14, 28).

Россия находилась в это время на вершине славы и могущества: невиданными темпами развивалась промышленность, все более могущественными становились армия и флот, успешно проводилась в жизнь аграрная реформа – об этом времени можно сказать словами Писания: превосходство страны в целом есть царь, заботящийся о стране (Еккл. 5, 8). Казалось, что все внутренние проблемы в недалеком будущем благополучно разрешатся.

Но этому не суждено было осуществиться: назревала первая мировая война. Использовав как предлог убийство террористом наследника австро-венгерского престола, Австрия напала на Сербию. Император Николай II посчитал своим христианским долгом вступиться за православных сербских братьев…

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила России войну, которая вскоре стала общеевропейской. В августе 1914 года необходимость помочь своей союзнице Франции заставила Россию начать слишком поспешное наступление в Восточной Пруссии, что привело к тяжелому поражению. К осени стало ясно, что близкого конца военных действий не предвидится. Однако с начала войны на волне патриотизма в стране затихли внутренние разногласия. Даже самые трудные вопросы становились разрешимыми – удалось осуществить давно задуманное Государем запрещение продажи спиртных напитков на все время войны. Его убеждение в полезности этой меры было сильнее всех экономических соображений.

Государь регулярно выезжает в Ставку, посещает различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы – одним словом, все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны. Императрица с самого начала посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия, вместе со старшими дочерьми – Великими княжнами Ольгой и Татьяной – она по несколько часов в день ухаживала за ранеными в своем царскосельском лазарете, помня, что требует Господь любить дела милосердия (Мих. 6, 8).

22 августа 1915 года Государь выехал в Могилев, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами

России. Император с начала войны рассматривал свое пребывание на посту Верховного главнокомандующего как исполнение нравственного и государственного долга перед Богом и народом: назначал пути им и сидел во главе и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих (Иов 29, 25). Впрочем, Государь всегда предоставлял ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всех военно-стратегических и оперативно-тактических вопросов.

С этого дня Император постоянно находился в Ставке, часто вместе с ним был и Наследник. Примерно раз в месяц Государь на несколько дней приезжал в Царское Село. Все ответственные решения принимались им, но в то же время он поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и держать его в курсе происходящего в столице. Государыня являлась самым близким ему человеком, на которого всегда можно было положиться. Сама Александра Феодоровна занялась политикой не из личного честолюбия и жажды власти, как об этом тогда писали. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в трудную минуту и помогать ему своими советами. Ежедневно она отправляла в Ставку подробные письма-донесения, что хорошо было известно министрам.

Январь и февраль 1917 года Государь провел в Царском Селе. Он чувствовал, что политическая обстановка становится все более и более натянутой, но продолжал надеяться на то, что чувство патриотизма все же возьмет верх, сохранял веру в армию, положение которой значительно улучшилось. Это вселяло надежды на успех большого весеннего наступления, которое нанесет решительный удар Германии. Но это хорошо понимали и враждебные государю силы.

22 февраля Государь выехал в Ставку – этот момент послужил сигналом для врагов порядка. Им удалось посеять в столице панику из-за надвигавшегося голода, ведь во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога Своего (Ис. 8, 21). На следующий день в Петрограде начались волнения, вызванные перебоями с подвозом хлеба, они скоро переросли в забастовку под политическими лозунгами – «Долой войну», «Долой самодержавие». Попытки разогнать манифестантов не увенчались успехом. В Думе тем временем шли дебаты с резкой критикой правительства – но в первую очередь это были выпады против Государя. Претендующие на роль представителей народа депутаты словно забыли наставление первоверховного апостола: Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Пет. 2, 17).

25 февраля в Ставке было получено сообщение о беспорядках

в столице. Узнав о положении дел, Государь посылает войска в Петроград для поддержания порядка, а затем сам отправляется в Царское Село. Его решение было, очевидно, вызвано и желанием быть в центре событий для принятия в случае необходимости быстрых решений, и тревогой за семью. Этот отъезд из Ставки оказался роковым. За 150 верст от Петрограда царский поезд был остановлен – следующая станция Любань была в руках мятежников. Пришлось следовать через станцию Дно, но и тут путь оказался закрыт. Вечером 1 марта Государь прибыл в Псков, в ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского.

В столице наступило полное безвластие. Но Государь и командование армией считали, что Дума контролирует положение; в телефонных переговорах с председателем Государственной думы М. В. Родзянко Государь соглашался на все уступки, если Дума сможет восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так на самом деле? Ведь революцией были охвачены только Петроград и окрестности, а авторитет Царя в народе и в армии был еще велик. Ответ Думы ставил Царя перед выбором: отречение или попытка идти на Петроград с верными ему войсками – последнее означало гражданскую войну в то время, как внешний враг находился в российских пределах.

Все окружающие Государя также убеждали его в том, что отречение – единственный выход. Особенно на этом настаивали командующие фронтами, требования которых поддержал начальник Генерального штаба М. В. Алексеев – в войске произошли страх и трепет и ропот на царей (3 Езд. 15, 33). И после долгих и мучительных размышлений Император принял выстраданное решение: отречься и за себя и за Наследника, ввиду его неизлечимой болезни, в пользу брата, Великого князя Михаила Александровича. Государь покидал верховную власть и главнокомандование как Царь, как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его Манифест – это акт высочайшего благородства и достоинства.

8 марта комиссары Временного правительства, прибыв в Могилев, объявили через генерала Алексеева об аресте Государя и необходимости проследовать в Царское Село. В последний раз он обратился к своим войскам, призывая их к верности Временному правительству, тому самому, которое подвергло его аресту, к исполнению своего долга перед Родиной до полной победы. Прощальный приказ войскам, в котором выразились благородство души Государя, его любовь к армии, вера в нее, был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его

публикацию. Новые правители, одни других одолевая, вознерадели о царе своем (3 Езд. 15, 16) – они, конечно, боялись, что армия услышит благородную речь своего Императора и Верховного главнокомандующего.

В жизни Императора Николая II было два неравных по продолжительности и духовной значимости периода – время его царствования и время пребывания в заточении, если первый из них дает право говорить о нем как о православном правителе, исполнившем свои монаршие обязанности как священный долг перед Богом, о Государе, памятующем слова Священного Писания: Ты избрал мя еси царя людем Твоим (Прем. 9, 7), то второй период – крестный путь восхождения к вершинам святости, путь на русскую Голгофу…

Рожденный в день памяти святого праведного Иова Многострадального, Государь принял свой крест так же, как библейский праведник, перенес все ниспосланные ему испытания твердо, кротко и без тени ропота. Именно это долготерпение с особенной ясностью открывается в истории последних дней Императора. С момента отречения не столько внешние события, сколько внутреннее духовное состояние Государя привлекает к себе внимание. Государь, приняв, как ему казалось, единственно правильное решение, тем не менее переживал тяжелое душевное мучение. «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», – говорил Государь Генералу Д. Н. Дубенскому.

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Дубенский записал слова министра Императорского Двора графа В. Б. Фредерикса: «Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастью России, что его нашли нужным просить оставить трон. Его волновала мысль о семье, которая оставалась в Царском Селе одна, дети больны. Государь страшно страдает, но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе». Сдержан Николай Александрович и в личном дневнике. Только в самом конце записи на этот день прорывается его внутренне чувство: «Нужно мое отречение. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

Временное правительство объявило об аресте Императора Николая II и его Августейшей супруги и содержании их в Царском Селе. Арест Императора и Императрицы не имел ни малейшего законного основания или повода.

Когда начавшиеся в Петрограде волнения перекинулись и на Царское Село, часть войск взбунтовалась, и громадная толпа бунтовщиков – более 10 тысяч человек – двинулась к Александровскому дворцу. Императрица в тот день, 28 февраля, почти не выходила из комнаты больных детей. Ей докладывали, что будут приняты все меры для безопасности дворца. Но толпа была уже совсем близко – всего в 500 шагах от ограды дворца был убит часовой. В этот момент Александра Феодоровна проявляет решимость и незаурядное мужество – вместе с Великой княжной Марией Николаевной она обходит ряды верных ей солдат, занявших оборону вокруг дворца и уже готовых к бою. Она убеждает их договориться с восставшими и не проливать крови. К счастью, в этот момент благоразумие возобладало. Последующие дни Государыня провела в страшной тревоге за судьбу Императора – до нее доходили лишь слухи об отречении. Только 3 марта она получила от него краткую записку. Переживания Императрицы в эти дни ярко описаны очевидцем протоиереем Афанасием Беляевым, служившим во дворце молебен: «Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника. Перед иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен… О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую семью! Получилось известие, что Государь, возвращавшийся из Ставки в родную семью, арестован и даже, возможно, отрекся от престола… Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная Царица, мать с пятью своими тяжко заболевшими детьми! Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными, [с] полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою Знамения Божьей Матери. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети сразу могли приложиться к Чудотворному Образу. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками, и все находящиеся в нем оказались арестованными».

9 марта арестованного накануне Императора перевозят в Царское Село, где его с нетерпением ждала вся семья. Начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в

Царском Селе. Дни проходили размеренно – в регулярных богослужениях, совместных трапезах, прогулках, чтении и общении с родными людьми. Однако при этом жизнь узников подвергалась мелочным стеснениям – Государю было объявлено А. Ф. Керенским, что он должен жить отдельно и видеться с Государыней только за столом, причем разговаривать только по-русски. Караульные солдаты в грубой форме делали ему замечания, доступ во дворец близких Царской семье лиц воспрещался. Однажды солдаты даже отняли у Наследника игрушечное ружье под предлогом запрета носить оружие.

Отец Афанасий Беляев, регулярно совершавший в этот период богослужения в Александровском дворце, оставил свои свидетельства о духовной жизни царскосельских узников. Вот как проходила во дворце служба утрени Великой пятницы 30 марта 1917 года. «Служба шла благоговейно и умилительно… Их Величества всю службу слушали стоя. Перед ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужением».

На следующий день вся семья исповедовалась. Вот как выглядели комнаты царских детей, в которых совершалось Таинство исповеди: «Какие удивительно по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом складной аналой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также Святое Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушивания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате…»

«Впечатление [от исповеди] получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной, – пишет отец Афанасий, – меня привели в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах,

может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в известных мне грехах».

Доброта и душевное спокойствие не оставляли Императрицу даже в эти самые трудные после отречения Государя от престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к корнету С. В. Маркову: «Вы не один, не бойтесь жить. Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь снова и идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и ваша жизнь покажется вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь».

В дворцовой Церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал всенощную и Божественную литургию, за которыми всегда присутствовали все члены Императорской семьи. После дня Святой Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения – он отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к Царской семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов Царской семьи – да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. В своих страданиях стяжали они подлинное смирение – по слову пророка: Скажи царю и царице: смиритесь… ибо упал с головы вашей венец славы вашей (Иер. 13, 18).

«…Ныне смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие… высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях», – читаем мы в дневнике отца Афанасия Беляева.

В жизни Царственных узников тем временем назревали серьезные изменения. Временное правительство назначило комиссию по расследованию деятельности Императора, но несмотря на все старания обнаружить хоть что-то, порочащее

Царя, ничего не нашли – Царь был невиновен. Когда невиновность его была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Временное правительство вместо того, чтобы освободить Государя и его Августейшую супругу, приняло решение удалить узников из Царского Села. В ночь на 1 августа они были отправлены в Тобольск – сделано это было якобы ввиду возможных беспорядков, первой жертвой которых могла сделаться Царская семья. На деле же тем самым семья обрекалась на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были сочтены.

30 июля, за день до отъезда Царской семьи в Тобольск, была отслужена последняя Божественная литургия в царских покоях; в последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей, и в то же время понимая, что вступают они на путь, предначертанный Самим Господом Иисусом Христом для всех христиан: Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в темницы, и поведут пред правителей за имя Мое (Лк. 21, 12). За этой литургией молилась вся Царская семья и их уже совсем малочисленная прислуга.

6 августа Царственные узники прибыли в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске Царской семьи были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии и это утешение крайне редко выпадало на их долю. Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили с огромным опозданием. Что же касается газет, то приходилось довольствоваться местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за разверзавшимися в России событиями. Он понимал, что страна стремительно идет к гибели.

Корнилов предложил Керенскому ввести войска в Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, которая становилась изо дня в день все более угрожающей. Безмерна была печаль Царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное средство избежать неминуемой катастрофы. Государь раскаивается в своем отречении. «Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления

сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови… Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо родины, он принес ей вред своим отречением», – вспоминает П. Жильяр, воспитатель Цесаревича Алексея.

А между тем к власти в Петрограде уже пришли большевики – наступил период, о котором Государь написал в своем дневнике: «гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Известие об октябрьском перевороте дошло до Тобольска 15 ноября. Солдаты, охранявшие губернаторский дом, прониклись расположением к Царской семье, и прошло несколько месяцев после большевистского переворота, прежде чем перемена власти стала сказываться на положении узников. В Тобольске образовался «солдатский комитет», который, всячески стремясь к самоутверждению, демонстрировал свою власть над Государем – то заставляют его снять погоны, то разрушают ледяную горку, устроенную для Царских детей: над царями он издевается, по слову пророка Аввакума (Авв. 1, 10). С 1 марта 1918 года «Николай Романов и его семейство переводятся на солдатский паек».

В письмах и дневниках членов Императорской семьи засвидетельствовано глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на их глазах. Но эта трагедия не лишает Царственных узников силы духа, веры и надежды на помощь Божию.

«Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в силах наших помочь). И Он спасет, долготерпелив и многомилостив – не прогневается до конца… Без веры невозможно было бы жить…

Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней [Родиной] все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, все пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство, – мы одно составляем, и делим горе и счастье. Больно она нам сделала, обидела, оклеветала… но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную…

Крепко верю, что время страданий проходит, что солнце

опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив – спасет Родину…» – писала Императрица.

Страдания страны и народа не могут быть бессмысленными – в это твердо верят Царственные страстотерпцы: «Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы, награду за все страдания… Весна придет и порадует, и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной…

Много еще тяжелого впереди – больно, сколько кровопролитий, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить…

Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир. Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет…

…Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что больше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!»

Утешение и кротость в перенесении скорбей Царственным узникам дают молитва, чтение духовных книг, богослужение, Причащение: «…Господь Бог дал неожиданную радость и утешение, допустив нас приобщиться Святых Христовых Тайн, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу».

В страданиях и испытаниях умножается духовное ведение, познание себя, своей души. Устремленность к жизни вечной помогает переносить страдания и дает великое утешение: «…Все, что люблю, – страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете».

В марте стало известно, что в Бресте был заключен сепаратный мир с Германией. Государь не скрывал к нему своего отношения: «Это такой позор для России и это «равносильно самоубийству». Когда прошел слух, что немцы требуют от большевиков выдачи им Царской семьи, Императрица заявила: «Предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами». Первый большевистский отряд прибыл в Тобольск во вторник 22 апреля. Комиссар Яковлев осматривает дом, знакомится с узниками. Через несколько дней он сообщает, что должен увезти Государя, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. Предполагая, что его хотят отправить в Москву для

подписания сепаратного мира с Германией, Государь, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство (вспомним Послание пророка Иеремии: царь, показуяй свое мужество – Посл. Иер. 1, 58), твердо сказал: «Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор».

Наследник в это время был болен, и везти его было невозможно. Несмотря на страх за больного сына, Государыня принимает решение следовать за супругом; с ними отправилась и Великая княжна Мария Николаевна. Только 7 мая члены семьи, оставшиеся в Тобольске, получили известие из Екатеринбурга: Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева. Когда здоровье Наследника поправилось, остальные члены Царской семьи из Тобольска были также доставлены в Екатеринбург и заточены в том же доме, но большинство лиц, приближенных к семье, к ним допущено не было.

О екатеринбургском периоде заточения Царской семьи свидетельств осталось гораздо меньше. Почти нет писем. В основном этот период известен лишь по кратким записям в дневнике Императора и показаниям свидетелей по делу об убийстве Царской семьи. Особенно ценным представляется свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последние богослужения в Ипатьевском доме. Отец Иоанн служил там дважды в воскресные дни обедницу; в первый раз это было 20 мая (2 июня) 1918 года: «… диакон говорил прошения ектений, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой низким басом и Николай Александрович… Молились очень усердно…»

«Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было… [Он] произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза…» – писал отец Иоанн.

Сохранилось немало портретов членов Царской семьи – от прекрасных портретов А. Н. Серова до поздних, сделанных уже в заточении, фотографий. По ним можно составить представление о внешности Государя, Императрицы, Цесаревича и Княжон – но в описаниях многих лиц, видевших их при жизни, особое внимание обычно уделяется глазам. «Он смотрел на меня такими живыми глазами…» – говорил о Наследнике отец Иоанн Сторожев. Наверное, наиболее точно можно передать это впечатление словами Премудрого Соломона: «В светлом взоре царя – жизнь, и благоволение его – как облако с поздним дождем…» В

церковнославянском тексте это звучит еще выразительнее: «во свете жизни сын царев» (Притч. 16, 15).

Условия жизни в «доме особого назначения» были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Стража состояла из 12-ти солдат, которые жили в непосредственной близости от узников, ели с ними за одним столом. Комиссар Авдеев, закоренелый пьяница, ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям этих грубых людей – в числе охранников были бывшие уголовные преступники. Как только Государь и Государыня прибыли в дом Ипатьева, их подвергли унизительному и грубому обыску. Спать Царской чете и Княжнам приходилось на полу, без кроватей. Во время обеда семье, состоящей из семи человек, давали всего пять ложек; сидящие за этим же столом охранники курили, нагло выпуская дым в лицо узникам, грубо отбирали у них еду.

Прогулка в саду разрешалась единожды в день, поначалу в течение 15–20 минут, а потом не более пяти. Поведение часовых было совершенно непристойным – они дежурили даже возле двери в туалет, причем не разрешали запирать двери. На стенах охранники писали нецензурные слова, делали неприличные изображения.

Рядом с Царской семьей оставались лишь доктор Евгений Боткин, который окружил узников заботой и был посредником между ними и комиссарами, пытаясь защищать их от грубости стражи, и несколько испытанных, верных слуг: Анна Демидова, И. С. Харитонов, А. Е. Трупп и мальчик Леня Седнев.

Вера заключенных поддерживала их мужество, давала им силу и терпение в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у Цесаревича как-то вырвалась фраза: «Если будут убивать, только бы не мучили…» Государыня и Великие княжны часто пели церковные песнопения, которые против воли слушал их караул. В почти полной изоляции от внешнего мира, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявляют удивительное благородство и ясность духа.

В одном из писем Ольги Николаевны есть такие строки: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильней, но что не зло победит зло, а только любовь».

Даже грубые стражи понемногу смягчились в общении с

заключенными. Они были удивлены их простотой, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, кого думали держать в своей власти. Смягчился даже сам комиссар Авдеев. Такая перемена не укрылась от глаз большевистских властей. Авдеев был смещен и заменен Юровским, стража заменена австро-германскими пленными и выбранными людьми из числа палачей «чрезвычайки» – «дом особого назначения» стал как бы ее отделением. Жизнь его обитателей превратилась в сплошное мученичество.

1 (14) июля 1918 года отцом Иоанном Сторожевым было совершено последнее богослужение в Ипатьевском доме. Приближались трагические часы… Приготовления к казни делаются в строжайшей тайне от узников Ипатьевского дома.

В ночь с 16 на 17 июля, примерно в начале третьего, Юровский разбудил Царскую семью. Им было сказано, что в городе неспокойно и поэтому необходимо перейти в безопасное место. Минут через сорок, когда все оделись и собрались, Юровский вместе с узниками спустился на первый этаж и привел их в полуподвальную комнату с одним зарешеченным окном. Все внешне были спокойны. Государь нес на руках Алексея Николаевича, у остальных в руках были подушки и другие мелкие вещи. По просьбе Государыни в комнату принесли два стула, на них положили подушки, принесенные Великими княжнами и Анной Демидовой. На стульях разместились Государыня и Алексей Николаевич. Государь стоял в центре рядом с Наследником. Остальные члены семьи и слуги разместились в разных частях комнаты и приготовились долго ждать – они уже привыкли к ночным тревогам и разного рода перемещениям. Между тем в соседней комнате уже столпились вооруженные, ожидавшие сигнала убийцы. В этот момент Юровский подошел к Государю совсем близко и сказал: «Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета вы будете расстреляны с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для Царя, что он обернулся в сторону семьи, протянув к ним руки, затем, как бы желая переспросить, обратился к коменданту, сказав: «Что? Что?» Государыня и Ольга Николаевна хотели перекреститься. Но в этот момент Юровский выстрелил в Государя из револьвера почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные – каждый заранее знал свою жертву.

Уже лежащих на полу добивали выстрелами и ударами штыков. Когда, казалось, все было кончено, Алексей Николаевич

вдруг слабо застонал – в него выстрелили еще несколько раз. Картина была ужасна: одиннадцать тел лежало на полу в потоках крови. Убедившись, что их жертвы мертвы, убийцы стали снимать с них драгоценности. Затем убитых вынесли на двор, где уже стоял наготове грузовик – шум его мотора должен был заглушить выстрелы в подвале. Еще до восхода солнца тела вывезли в лес в окрестности деревни Коптяки. В течение трех дней убийцы пытались скрыть свое злодеяние…

Большинство свидетельств говорит об узниках Ипатьевского дома как о людях страдающих, но глубоко верующих, несомненно покорных воле Божией. Несмотря на издевательства и оскорбления, они вели в доме Ипатьева достойную семейную жизнь, стараясь скрасить угнетающую обстановку взаимным общением, молитвой, чтением и посильными занятиями. «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину, – пишет один из свидетелей их жизни в заточении, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, – они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из их царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничижении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти».

Вместе с Императорской семьей были расстреляны и их слуги, последовавшие за своими господами в ссылку. К ним, помимо расстрелянных вместе с Императорской семьей доктором Е. С. Боткиным, комнатной девушкой Императрицы А. С. Демидовой, придворным поваром И. М. Харитоновым и лакеем А. Е. Труппом, принадлежали убиенные в различных местах и в разные месяцы 1918 года генерал-адъютант И. Л. Татищев, гофмаршал князь В. А. Долгоруков, «дядька» Наследника К. Г. Нагорный, детский лакей И. Д. Седнев, фрейлина Императрицы А. В. Гендрикова и гофлектрисса Е. А. Шнейдер.

Вскоре, после того как было объявлено о расстреле Государя, Святейший Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о нем панихиды. Сам Святейший 8(21) июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: «На днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович… Мы должны, повинуясь учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Мы знаем, что он, отрекшись от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения

найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе».

Почитание Царской семьи, начатое уже Святейшим Патриархом Тихоном в заупокойной молитве и слове на панихиде в Казанском соборе в Москве по убиенному Императору через три дня после екатеринбургского убийства, продолжалось – несмотря на господствовавшую идеологию – на протяжении нескольких десятилетий советского периода нашей истории.

Многие священнослужители и миряне втайне возносили к Богу молитвы о упокоении убиенных страдальцев, членах Царской семьи. В последние годы во многих домах в красном углу можно было видеть фотографии Царской Семьи, во множестве стали распространяться и иконы с изображением Царственных мучеников. Составлялись обращенные к ним молитвословия, литературные, кинематографические и музыкальные произведения, отражающие страдание и мученический подвиг Царской семьи. В Синодальную Комиссию по канонизации святых поступали обращения правящих архиереев, клириков и мирян в поддержку канонизации Царской семьи – под некоторыми из таких обращений стояли тысячи подписей. К моменту прославления Царственных мучеников накопилось огромное количество свидетельств о их благодатной помощи – об исцелениях больных, соединении разобщенных семей, защите церковного достояния от раскольников, о мироточении икон с изображениями Императора Николая и Царственных мучеников, о благоухании и появлении на иконных ликах Царственных мучеников пятен кровавого цвета.

Одним из первых засвидетельствованных чудес было избавление во время гражданской войны сотни казаков, окруженных в непроходимых болотах красными войсками. По призыву священника отца Илии в единодушии казаки обратились с молитвенным воззванием к Царю-мученику, Государю Российскому – и невероятным образом вышли из окружения.

В Сербии в 1925 году был описан случай, когда одной пожилой женщине, у которой двое сыновей погибли на войне, а третий пропал без вести, было видение во сне Императора Николая, который сообщил, что третий сын жив и находится в России – через несколько месяцев сын вернулся домой.

В октябре 1991 года две женщины поехали за клюквой и заблудились в непроходимом болоте. Надвинулась ночь, и болотная трясина могла бы легко затянуть неосторожных путешественниц. Но одна из них вспомнила описание чудесного

избавления отряда казаков – и по их примеру стала усердно молить о помощи Царственных мучеников: «Убиенные Царственные мученики, спасите нас, рабу Божию Евгению и Любовь!» Внезапно в темноте женщины увидели светящийся сук от дерева; ухватившись за него, выбрались на сухое место, а затем вышли на широкую просеку, по которой дошли до деревни. Примечательно, что вторая женщина, также свидетельствовавшая об этом чуде, была в то время еще далеким от Церкви человеком.

Учащаяся средней школы из города Подольска Марина – православная христианка, особо почитающая Царскую Семью – чудесным заступничеством Царских детей была избавлена от хулиганского нападения. Нападавшие трое молодых людей хотели затащить ее в машину, увезти и обесчестить, но внезапно в ужасе бежали. Позднее они признались, что увидели Императорских детей, которые заступились за девушку. Это произошло накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы в 1997 году. Впоследствии стало известно, что молодые люди покаялись и в корне изменили свою жизнь.

Датчанин Ян-Майкл в течение шестнадцати лет был алкоголиком и наркоманом, причем пристрастился к этим порокам с ранней молодости. По совету добрых знакомых в 1995 году он отправился в паломническую поездку по историческим местам России; попал он и в Царское Село. На Божественной литургии в домовой церкви, где некогда молились Царственные Мученики, он обратился к ним с горячей мольбой о помощи – и почувствовал, что Господь избавляет его от греховной страсти. 17 июля 1999 года он принял православную веру с именем Николай в честь святого Царя-мученика.

Московский врач Олег Бельченко 15 мая 1998 года получил в подарок икону Царя-мученика, перед которой практически ежедневно молился, и в сентябре стал замечать на иконе небольшие пятна кровавого цвета. Олег принес икону в Сретенский монастырь; во время молебна все молящиеся почувствовали от иконы сильное благоухание. Икона была перенесена в алтарь, где находилась в течение трех недель, причем благоухание не прекращалось. Позднее икона побывала в нескольких московских храмах и монастырях; было многократно засвидетельствовано мироточение от этого образа, свидетелями которого были сотни прихожан. В 1999 году чудесным образом у мироточивой иконы Царя-мученика Николая II исцелился от слепоты 87-летний Александр Михайлович: сложная глазная операция почти не помогла, но когда он с горячей молитвой приложился к мироточивой иконе, а служивший молебен священник покрыл его лицо полотенцем со следами мира,

наступило исцеление – зрение вернулось. Мироточивая икона побывала в ряде епархий – Ивановской, Владимирской, Костромской, Одесской… Везде, где побывала икона, были засвидетельствованы многочисленные случаи ее мироточения, а двое прихожан одесских храмов сообщили о исцелении от болезни ног после молитвы перед иконой. Из Тульчинско-Брацлавской епархии сообщили о случаях благодатной помощи по молитвам пред этой чудотворной иконой: от тяжелого гепатита была исцелена раба Божия Нина, получила исцеление сломанной ключицы прихожанка Ольга, от тяжелого поражения поджелудочной железы исцелилась раба Божия Людмила.

Во время Юбилейного Архиерейского Собора прихожанки строящегося в Москве храма в честь преподобного Андрея Рублева собрались для совместной молитвы Царственным мученикам: один из приделов будущего храма планируется освятить в честь новомучеников. При чтении акафиста молящиеся почувствовали сильное благоухание, исходившее от книг. Это благоухание продолжалось в течение нескольких дней.

К Царственным страстотерпцам многие христиане обращаются ныне с молитвой о укреплении семьи и воспитании детей в вере и благочестии, о сохранении их чистоты и целомудрия – ведь во время гонений Императорская семья была особенно сплоченной, пронесла несокрушимую веру православную чрез все скорби и страдания.

Память святым страстотерпцам Императору Николаю, Императрице Александре, их чадам – Алексию, Ольге, Татиане, Марии и Анастасии совершается в день их убиения 4 (17) июля, и в день соборной памяти новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает, то в ближайшее воскресение после 25 января (7 февраля).

Житие по журналу: Московские епархиальные ведомости. 2000. № 10–11. С. 20–33.

notes

Примечания

1

По более корректным подсчетам современных историков в царской России с 1825 по 1905 годы по политическим преступлениям было вынесено 625 смертных приговоров из которых только 191 были приведены в исполнение, а в революционные годы – с 1905 по 1910 год – было вынесено 5735 смертных приговоров по политическим преступлениям, считая приговоры военно-полевых судов, из которых приведён в исполнение 3741 приговор. (Черная книга коммунизма. М., 2001)

2

Псевдоним – как, впрочем, у всех уголовников от политики, перенявших обычай скрываться под кличками у своих соратников по нарам, больше специализировавшихся по чужим карманам.

3

Радзинского, впрочем, можно понять. Один из организаторов цареубийства – с характерным именем Исай Иделевич – носил эту же фамилию. Трудно отделаться от мысли, что пером сочинителя двигало не желание бросить новый свет на обстоятельства гибели венценосной семьи, а стремление пригасить тот слепящий луч исторической истины, который выхватил «неудобный» национальный состав палаческого синклита…

4

Ленин еще в 1906 году заявлял в журнале «Пролетарий»: «Тот, кто боится запачкать руки, не должен заниматься политикой… Наивные белоручки в политике только вредны», «Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказывать нецелесообразность тех или иных форм гражданской войны. Но всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма».

А когда разбуженная милюковыми стихия вознесла Ленина к власти, он и вовсе распоясался: «Мы должны спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если против – к стенке. Если за – иди к нам и работай».

Другой «освободитель народа» – лидер социалистов-революционеров Б. Савинков рассуждал устами своего героя (роман «То, чего не было»): «Побеждают не книжкой, а кулаками, не тем, что нюнят, Лазаря поют, а бомбами, пулеметами, кровью. Не понимают, что кровь всегда кровь, как там ее не размазывай. Поменьше, мол, крови. – Да ведь это иезуитство».

Те, кого ныне преподносят как жертв сталинского террора, не отставали от Ленина в кровожадности. Любимец партии Николай Бухарин «теоретизировал»:

«Диктатура пролетариата есть остро отточенный топор в руках рабочего… Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

А Троцкий в своем сочинении «Коммунизм и терроризм» откровенничал: «Враг должен быть уничтожен… Устрашение является могущественнейшим средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать».

Можно представить, каких носителей «новой морали» воспитали эти каннибалы, если уже через 10–15 лет после большевистского переворота появились «классики» пролетарской культуры вроде писателя Гладкова, который вывел в романе «Энергия» положительного героя Мирона, поучавшего: «С сердцем далеко не уйдешь. В борьбе оно должно быть вырвано к черту. В борьбе я растопчу первого, кто остановится перед стонами и кровью». А речь-то шла всего лишь о строительстве Днепрогэса!

5

Согласно условиям мирных договоров стран Антанты с побежденными Германией и Австрией, эти государства не могли публиковать какие-либо документы о причинах войны без разрешения держав-победительниц. Были установлены и сроки, после которых этот запрет терял силу. Румыния, например, установила такой датой… 1996 год! Коммунистический режим в России также наложил табу на эту тему. Книга Николая Полетики «Сараевское убийство» (Ленинград, 1930), в которой вскользь говорилось об участии масонов в покушении, была изъята из библиотек и шесть десятилетий содержалась под арестом в «спецхране». Когда Карл Радек, сидя на скамье подсудимых троцкистского процесса 1937 года, обмолвился, что мог бы кое-что сказать о действительных причинах Первой мировой войны, государственный обвинитель Вышинский тут же заткнул ему рот; в конечном итоге болтливость стоила Радеку жизни.

6

Один из правых депутатов – Г. Шечков – выступил с докладом «Масоны в Государственной Думе», в котором говорилось: «Господа, исповедующие у нас масонский принцип, именуемый принципом «тактических соображений и приемов», пели Марсельезу, когда это было выгодно, а теперь «из тактических видов» поют наш русский гимн. Кто-то хорошо заметил, что с революцией, ревущей Марсельезу бороться легко, но как бороться с той, что подтягивает «Боже царя храни!» Легко бороться с той интригой, которая явно хулит веру, оскорбляет армию и провозглашает патриотизм делом омерзительным, но трудно бороться с той интригой, которая заигрывает с армией и стремится стать во главе доверчивых патриотических порывов нашего отечества. Провозглашатели национализма предрассудком делаются неославянофилами, враги отечественного строя и поклонники западного парламентаризма объявляются русскими только потому, что лавры ложи Union et Progress не дают им спать. Деятели недавнего разгара тлеющей по сию пору революции дают торжественное обещание на верное служение самодержавию только затем, чтобы, получив доступ к участию в государственном строительстве, вести вернее подкоп под это самое самодержавие».

7

По прибытии в Вену автор этих строк был назначен министром иностранных дел.

8

Впрочем, радость германского императора можно истолковать и по-иному: увенчалось успехом рискованное коммерческое предприятие. Те самые партии, которые больше всех вопили о неприятельских агентах во дворце и в правительстве, оказались на деле подлинными содержанками врага. Полковник Б. Никитин, возглавлявший при Временном правительстве контрразведку Петроградского округа, вел известное дело по расследованию связей Ульянова (Ленина) с германскими спецслужбами. И по мере погружения в эту неприглядную историю, всплыли факты сотрудничества с немцами также партии социалистов-революционеров – ее лидер В. Чернов, напомню, о чем-то толковал с организатором убийства австрийского эрцгерцога Гачиновичем. Теперь его имя фигурировало в материалах следствия в другой связи: “В 1915 году В Париже Чернов со своими единомышленниками пробовал издавать газету “Жизнь”, но за отсутствием средств она не замедлила прекратить свое существование. Тогда в октябре того же года Чернов переселяется в Швейцарию. В женеве Чернов, Натансон, Камков, Зайонц, Диккер, Шапшелевич и другие, пользуясь германскими субсидиями, организовывают ”Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии”. Этот комитет издавал на германские деньги журнал “На чужбине”, который бесплатно рассылался на германские же деньги по лагерям русских военнопленных”.

Повторилась история времен русско-японской войны. Вновь русские военнопленные подвергались обработке со стороны революционных “капо” (так называли в местах заключения прислужников администрации). При этом, однако, большинство относилось к этим прихвостням врага так, как они того заслуживали. Деятель социалистического движения Г. Алексинский свидетельствовал: “В апреле 17 года Савинков, Дейч, Алексинский, Чернов и др. возвращаются на пароходе в Россию; с ними же несколько десятков русских солдат, бежавших из немецкого плена. К последним подходят Чернов и Алексинский. Чернов спрашивает, читали ли они журнал “На чужбине” и как он им понравился. Ответ: “Не очень”. Солдат поясняет: “В нем писали хорошо лишь о Германии, а о нашей России говорили только дурно”. Разговор обрывается”.

На Ленина и его компанию имеется столько компромата, что тут одной-двумя цитатами не обойдешься. Американские историки дотошно разобрали этот уголовно-политический казус и

пришли к выводу, что германский генштаб передал большевикам около 660 миллионов долларов (по курсу конца 1980-х годов). Именно эти средства позволили мелкой партии засыпать всю страну пораженческой литературой, финансировать проведение тысяч митингов и демонстраций.

Впрочем, вождь “демократов” Милюков оказался под стать своим социалистическим подмастерьям. Генерал П. Курлов, занимавший в преддверии февральских событий пост товарища министра внутренних дел, свидетельствовал в своих мемуарах, что лидер кадетов получил из-за рубежа двести тысяч рублей (почтовым переводом на имя швейцара милюковского дома).

9

В. П. Аничков. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 2005

10

Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2003. С. 360.